

**АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
AGRARIAN ECONOMY
FOOD SECURITY**

А. М. Никулин

МИГРАНТЫ

ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ:

ТИПЫ ЗАНЯТОСТИ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

УДК 332.1
Рег. № НИОКТР
Рег. № ИКРБС

УТВЕРЖДАЮ
Ректор РАНХиГС
д-р экон. наук, проф.

_____ В.А. Май
« ____ » _____ 2021 г.

ПРЕПРИНТ
МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ: ТИПЫ ЗАНЯТОСТИ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Руководитель НИР,
Директор Научно-иссле-
довательского центра аграрных ис-
следований ИПЭИ,
к-т. экон. наук

А.М. Никулин

Цель исследования – обозначить основные типы привлечения и занятости мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в условиях российского села. Для достижения этой цели решены следующие задачи: рассмотрены формы занятости мигрантов в сельском хозяйстве России и на примере ряда зарубежных стран; проведена количественно-качественная оценка потенциала привлечения зарубежных трудовых мигрантов в аграрный сектор; охарактеризована региональная специфика миграции в сельскую местность, в том числе в исторической ретроспективе; описаны типы неформальных экономических и социальных отношений работников-мигрантов в их взаимодействии с сельскими сообществами.

The article aims at identifying the main employment types of foreign migrants in the Russian countryside. The authors describe different employment types of migrants in the Russian agriculture and in a number of foreign countries; they also conducted a quantitative and qualitative study of the Russian agricultural sector potential for attracting foreign labor migrants, identified the regional features of labor migration to rural areas, including in the historical perspective; analyzed the types of informal economic and social relations of migrant workers with local rural communities.

Содержание

Введение	4
1. Обзор форм и видов трудовой занятости мигрантов в сельском хозяйстве.....	6
2. Региональная специфика сельской занятости трудовых мигрантов	20
3. Количественно-качественная оценка потенциала привлечения трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в сельские районы России на примере регионов-кейсов	27
4. Построение типологии занятости мигрантов в аграрной сфере	37
Заключение.....	49
Список использованных источников.....	52

Введение

Актуальность проблематики исследования обусловлена масштабами вовлечения мигрантов в сельскохозяйственные работы на территории Российской Федерации – в ответ на своеобразный «запрос» российской стороны (численность экономически активного населения в России ежегодно сокращается на 1,2%), а также на внешний «запрос» (по данным МВД России, в 2018 году в страну въехало более 1,8 млн. человек, указавших в качестве цели въезда именно трудовую занятость). Кроме того, по данным экспертов, сельское хозяйство входит в число отраслей, активно привлекающих мигрантов. Однако специальных экономико-социологических исследований, посвященных изучению всех аспектов использования труда мигрантов в сельской местности явно недостаточно, и факторы, определяющие объемы и векторы миграционного притока в село в целях трудовой деятельности, изучены мало, особенно с точки зрения типологизации жизненных стратегий трудовых мигрантов. Проблематика причин, факторов и особенностей использования труда мигрантов в сельской местности находится на пересечении приоритетов и мероприятий государственной политики, направленных, с одной стороны, на повышение занятости сельского населения, с другой стороны, на удовлетворения потребности работодателей (прежде всего, сельхозпроизводителей) в трудовых ресурсах, что в совокупности решает задачи устойчивого развития сельских территорий.

Доля иностранной рабочей силы в общем числе занятых в сельском хозяйстве составляет в Испании 23%, Канаде – 18%, Италии – 17%, США – 15%, Великобритании – 12%, Германии и Греции – по 8%, Франции – 5%. В абсолютном выражении здесь лидирует США, где в сельском хозяйстве занято примерно 400 тысяч мигрантов ежегодно, преимущественно на сезонных работах. По данным отечественных исследователей, доля мигрантов в российском сельском хозяйстве находится в диапазоне 6-7%. Однако специальные экономико-социологические исследования доли и роли мигрантов на рынке рабочей силы в сельской местности проводятся, как правило, только в приграничных районах (обычно в контексте оценки конфликтогенных рисков, порожденных миграционным притоком рабочей силы), хотя эта практика широко распространена в самых разных регионах России и нередко носит исключительно неформальный характер.

Соответственно, работа призвана охарактеризовать основные типы занятости мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в российской сельской экономике и дать

качественно-количественную оценку потенциала привлечения зарубежных трудовых мигрантов в сельские районы России с учетом региональных различий их занятости, типов их неформальной экономики и форматов взаимодействия с локальными сообществами.

1. Обзор форм и видов трудовой занятости мигрантов в сельском хозяйстве

Официальная статистика Росстата дает общие представления о масштабах и роли сельской миграции из зарубежных стран (безусловно, она не покрывает нелегальную миграцию, но это предмет отдельного изучения). Прежде всего, следует сравнить сельскую миграцию с городской и обозначить особенности сельской миграции. Общие данные по российской входящей миграции представлены в таблице 1.

Таблица 1

Число прибывших иностранных мигрантов в Россию (чел.)

Год	2017		2018		2019	
Показатели	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Всего	467597	121436	452290	113395	555187	146047
Мужчины	265396	66840	254150	61414	321646	80155
Женщины	202201	54596	198140	51981	233541	65892
Трудоспособное население	373844	91192	360298	84603	448295	108805
Страны СНГ	410525	113927	403377	107617	480174	137823
Другие страны	57072	7509	48913	5778	75013	8224

В целом хотя миграция в сельскую местность заметно уступает миграции в города, она составляет существенную часть миграционных потоков в Россию из других стран. За период 2017-2019 годов примерно 20% ежегодно въезжавших в страну мигрантов отправлялись в сельскую местность. Такой перекося в сторону городов объясним – это предоставляемые ими возможности трудоустройства, более высоких доходов, развитая инфраструктура, модный образ жизни и т.п. По этим же причинам происходит и внутрироссийская миграция из сел в города. Соответственно, следует сформулировать вопрос иначе: почему пятая часть въезжающих мигрантов (по крайней мере, по официальным данным) выбирает сельскую местность.

Гендерный состав мигрантов, прибывающих в города и села, схож: в 2019 году среди мигрантов, приехавших в города, было 58% мужчин и 42% женщин, в сельскую местность – 55% мужчин и 45% женщин; в предыдущие два года это соотношение было примерно таким же. Большинство приезжающих мигрантов – люди трудоспособного возраста: среди прибывающих в города доля людей в трудоспособном возрасте несколько выше, чем среди приезжающих в сельскую местность – 80% против 75% (в среднем за 2017-2019 годы), хотя это незначительная разница. Подавляющее большинство мигрантов в Россию составляют

приезжие из стран СНГ, хотя в 2019 году из 701 тысячи прибывших мигрантов более 200 тысяч имели российский паспорт (т.е. страна прибытия и гражданство не всегда совпадают). Тем не менее, в сельскую местность приезжают практически исключительно мигранты из стран СНГ – лишь 5% мигрантов прибывают в российские села из других зарубежных стран.

Таким образом, по основным демографическим показателям миграция в сельскую местность России не особенно отличается от миграции в города: как и в города, в сельскую местность едет больше мужчин, чем женщин, но численность женской миграции также велика. Большинство мигрантов приезжают из стран СНГ и являются гражданами этих стран, хотя российских граждан среди мигрантов довольно много. Большинство мигрантов находятся в трудоспособном возрасте, хотя в сельскую местность чаще едут люди старше или моложе трудоспособного возраста.

Как правило, первый тип миграции в сельскую местность, который вспоминается при упоминании трудовой миграции, – это сезонная миграция на период сельскохозяйственных работ. Такой тип миграции существует не только в России, но и во многих других странах (латиноамериканские мигранты в США, украинские гастарбайтеры в европейских странах и т.д.). Пандемия коронавируса обнажила зависимость российских аграриев от иностранных сезонных работников: «в настоящий момент существует потребность растениеводства в привлечении дополнительно иностранной рабочей силы, она составляет около 35 тысяч человек»¹.

Однако миграция в сельскую местность не сводится к данному типу – сюда могут приезжать и несельскохозяйственные специалисты. Кроме того, мигранты могут жить в селе, но работать в близлежащих городах: наиболее показательны здесь сельские поселения около крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург. Основная причина – дорогое жилье в мегаполисах (покупка и аренда), поэтому село рассматривается не как источник работы, а как место проживания, а мигранты напоминают не сельчан, а дачников или жителей коттеджных поселков.

Мигранты могут приезжать в одиночку или с семьями – это разные миграционные стратегии. В первом случае важной составляющей жизни мигрантов являются денежные переводы на родину, во втором – жилищные и бытовые условия проживания с семьей (особенно с детьми). Часть мигрантов составляют родственники в нетрудоспособном возрасте (дети и старшее поколение).

¹ См.: URL: <https://tass.ru/ekonomika/10880701>.

Миграция может осуществляться в этнически и культурно близкую среду (например, анклав) или в чуждое социокультурное окружение. В первом случае могут образовываться целые сельские поселения из представителей этнической группы, а во втором случае столкновение культур может приводить к конфликтам.

Несомненно, главным фактором миграционных процессов в сельских районах России выступает сложившаяся социально-демографическая структура современного села, разрушающая традиционный крестьянский жизненный уклад. Основные проблемы на селе взаимосвязаны: по различным экспертным оценкам, уровень сельской безработицы составляет 27%-37%, что выше официальных значений Росстата (на 2018 год – 4,4% среди квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства 4,4% [1, с. 133]), что влечет повышенный уровень бедности сельского населения, почти вдвое превышающий значения для городского населения – все это влечет отток самой молодой и трудоспособной части сельского населения в города, что усложняет возрождение села (просто некому работать в возрождаемых или вновь создаваемых хозяйства), поскольку делает сельскую бедность устойчивой (таблица 2).

Таблица 2

Миграции сельского населения				
Показатели	2001-2005	2006-2010	2011-2014	2015-2018
Миграционный прирост (убыль)	-242685	-168643	-632171	-200762
в том числе, за счет				
передвижений в пределах России	-326399	-474519	-916080	-416738
миграционного обмена с зарубежными странами	83714	305876	283909	215976

Можно выделить две условные модели изучения трудовой миграции в отечественной традиции: первая состоит в историко-статистической реконструкции миграционных процессов, определивших особенности заселения конкретных сельских территорий; вторая предполагает микро-социологическую фокусировку на биографических траекториях мигрантов, в качестве которых могут выступать, в частности, бывшие горожане, переехавшие в сельскую местность и изменившие многие особенности жизни локального сообщества.

Рассмотрим первый подход на примере миграционных реалий сельской жизни на Крымском полуострове. Анализ эволюции поселенческой сети Крыма в период с конца XVIII века до начала XXI века позволил выделить следующие факторы размещения населенных пунктов в регионе: природный (у водоемов и водотоков); торговый (в портах, местах крупных ярмарок); хозяйственный (при крупных хозяйственных объектах); транспорт-

ный (в местах пересечения важных транспортных путей); административный (на земле, выделенной правительством или по распоряжению землевладельцев); рекреационный (при крупных рекреационных комплексах); «самозахват» (на «свободных» землях бывших сельскохозяйственных предприятий).

Но причины и факт основания населенного пункта не определяют перспективы и тенденции его последующего развития – важны факторы, оказывающие влияние на развитие поселенческой сети региона. Причем эти факторы оказывают значительное влияние не только на отдельный населенный пункт, но и на всю поселенческую сеть. Прежде всего, к таким факторам следует отнести: миграционный (всплеск миграционной активности); экономический (изменение экономической ситуации в отдельных районах и в регионе в целом); военный (разрушение вследствие военных операций); инфраструктурный (строительство или преобразование инфраструктурных объектов); институциональный (влияние изменения формальных либо неформальных институтов); административный (воздействие мер политики государства и органов местной власти); природный (обмеление водоемов и водотоков, землетрясения, оползни, сели) и др.

Рассмотрим миграционный фактор как наиболее влиятельный для эволюции поселенческой сети Крымского полуострова. Для анализа использованы данные материалов переписей населения, проводившихся на территории Крыма в 1926, 1989, 2001 и 2014 годы. Данные были дополнены статистическими материалами, опубликованными в 1805, 1864, 1892 и 1915 годы.

На момент присоединения территории Крымского полуострова в 1783 году сохранилась система расселения, сформированная во времена Крымского ханства. Неприятие факта вхождения в состав России со стороны местного населения, последующие социально-экономические преобразования и эпидемии болезней внесли изменения в систему расселения, не нарушив ее конфигурацию. Вызванная кризисом государственности эмиграция крымскотатарского населения не только из городов, но из сельской местности привела к сокращению численности населения и сжатию поселений.

На момент статистического наблюдения 1805 года на полуострове преобладали населенные пункты с численностью населения менее 100 человек (54,6% от общей численности), современный Белогорск) – 3936, в Евпатории – 3875, в Балаклаве – 1996, в Симферополе – 1937 и в Перекопе – 1059. Население полуострова на тот момент составляло 159393 человек и состояло из крымских татар (около 90%), небольшого количества цыган

и ясырей². Благодаря незначительной миграции русского населения и расквартированию некоторых войск было основано несколько новых населенных пунктов с русским населением, а также стратегические города – Симферополь и Севастополь.

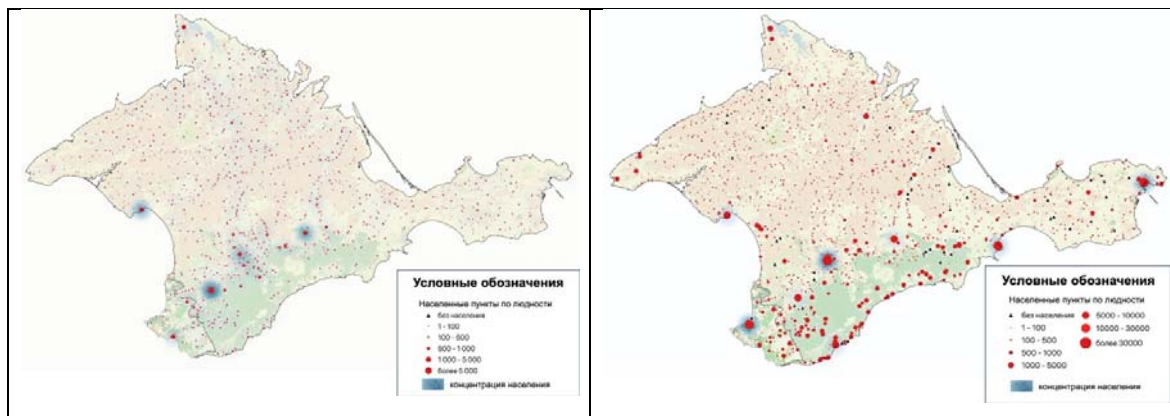

Рис. 1. Схема расположения и численность населения поселений на Крымском полуострове в 1805 году и 1915 году³

В первой половине XIX века благодаря притоку новых поселенцев возникают новые типы поселений: дачи, усадьбы (имения), экономии – на владениях состоятельных гражданских и военных чиновников, а колонии – на землях, предоставляемых иностранным поселенцам. Поселения появлялись преимущественно в районах предгорий и южного берега Крыма с более комфортными природно-климатическими условиями для рекреационных и хозяйственных нужд. На протяжении XIX века происходит стремительный рост населения городов, который был обусловлен развитием промышленного производства [4]. Сельские территории периодически теряли население и депопулировали. Трансформация хозяйственной специализации и волны непрекращающейся крымскотатарской эмиграции в Османскую империю способствовали стремительному разрушению сложившейся поселенческой сети и медленному формированию новой на ее руинах в прямом смысле слова. Это связано с тем, что часто колонисты размещались в поселениях, годом ранее покинутых крымскими татарами.

Железная дорога стала драйвером развития территорий, покрыв значительную часть полуострова. Функционирование железной дороги как основной транспортной артерии за несколько десятилетий запустило необратимый процесс трансформации регионального

² Ясырь – потомки русского населения, взятого в плен войсками Крымского ханства во время набегов на оседлые поселения соседних государств (Московское царство, Речь Посполитая, Валахия, Молдавия).

³ Составлено по материалам [2,3].

расселения. В начале XX века окончательно сформировалась поселенческая сеть, в которой основной этнической группой населения стали русские.

Трансформация государственного строя и создание Союза Советских Социалистических Республик привели к серии административно-территориальных преобразований 1920-х годов. Но основные перемены поселенческой сети в правовом поле произошла отмена права частной собственности – экспроприация, упразднение экономий, имений, частных усадеб, вакуфных земель и коллективизация.

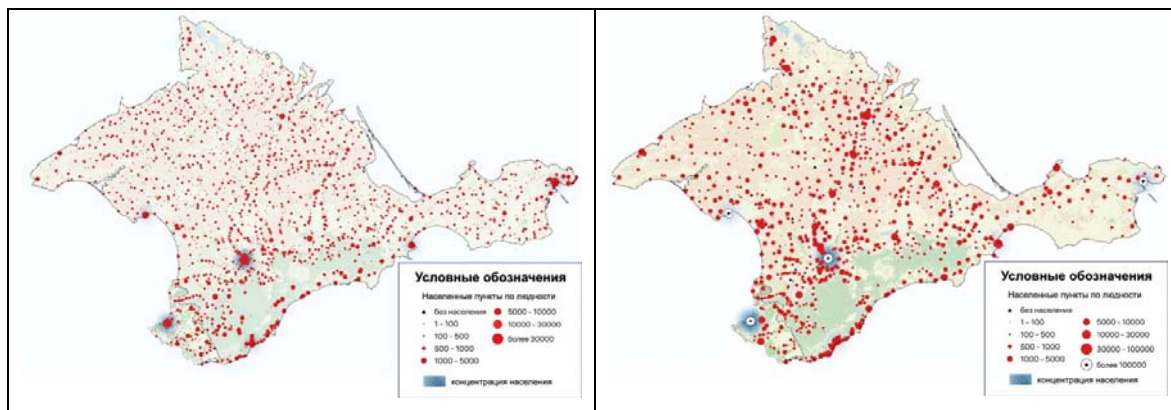

Рис. 2. Схема расположения и численность населения поселений на Крымском полуострове в 1926 году и в 2014 г. [5; 6]

Наиболее масштабные преобразование системы расселения на Крымском полуострове произошли после Второй мировой войны. Во-первых, была разрушена и больше не восстановилась еврейская поселенческая сеть (в результате уничтожения еврейского населения). Во-вторых, были разрушены этнические поселенческие сети крымских татар, немцев, болгар и греков, которые дисперсно охватывали всю территорию полуострова. В-третьих, 127 поселений было уничтожено в результате операции немецких войск «Огонь и меч». И, наконец, возникали новые поселения – их создавали русские и украинские переселенцы, перевозимые в Крым иногда целыми деревнями в послевоенный период. Миграция населения играла главную роль в трансформации системы расселения в годы, предшествовавшие и следовавшие после войны. Это проявлялось в исчезновении 184 сельских населенных пунктов в результате принудительных депортаций народов Крыма (немцев, крымских татар, болгар, греков, армян) и создании населенных пунктов переселенцами во второй половине 1940-х годов. По приблизительным оценкам, с 1944 по 1960 годы на полуостров

мигрировало более 100 тысяч переселенцев, размещенных во всех районах Крыма – как в существующих населенных пунктах, так и новых.

Все это привело к формированию каркаса сельского расселения, состоящего из крупных сельских населенных пунктов с населением более 1 тысячи человек – локальных центров, совмещавших функции и центральной усадьбы хозяйства, и центра сельсовета, и центра экономической и общественной жизни для окружающей местности. Величина среднего населенного пункта Крыма по данным переписи населения 1989 года составила 2316,1 жителей, т.е. за годы существования плановой экономики данный показатель возрос более чем в шесть раз.

Таблица 3

Характеристика поселенческой сети Крымского полуострова (1805–2014)

Год	Численность населения	Количество населенных пунктов	Средняя численность населения одного населенного пункта	Доля сельского населения
1805	159393	1247	127,8	88,5%
1864	203915	1360	149,9	57%
1892	413454	1312	315,1	44,5%
1915	672031	1822	368,8	52,9%
1926	697468	2226	313,3	58,4%
1989	2468939	1066	2316,1	30,7%
2001	2414105	1066	2264,6	62,7%
2014	2284769	1062	2151,4	57,9%

Масштабная репатриация представителей ранее депортированных народов имела меньшее значение. В период с 1989 по 2013 годы на полуостров мигрировало более 260 тысяч репатриантов, но они были размещены преимущественно в существующих поселениях, либо на прилегающих к населенным пунктам бывших землях сельскохозяйственного назначения. Также репатрианты создали три новых населенных пункта на прилегающих к Симферополю территориях. С 1993 года начинается сокращение численности населения Крымского полуострова вследствие естественной и миграционной убыли, что закономерно вызвало сжатие системы расселения.

Второе – микро-социологическое направление изучения миграционных процессов в сельской местности – обусловлено двумя взаимосвязанными процессами. С одной стороны, доминирующим направлением миграций во всем мире является урбанизация – переезд населения из сельской местности в города, рост и расширение городов. С другой стороны, в последние годы одновременно с урбанизационными процессами наблюдается тенденция

переселения горожан в сельскую местность – дезурбанизация, контрурбанизация или рурализация. Исследований переселения горожан в сельскую местность сравнительно немного как за рубежом, так и в России, хотя этот феномен отчетливо проявился уже в 1960-1980-е годы в Германии, Швейцарии и Франции. Несомненно, города остаются финансовыми центрами и главными рынками труда, но переселение горожан в сельскую местность не является вынужденной мерой, обусловленной экономическими причинами – трудоустройством или повышением доходов. Жители крупных городов переезжают в сельскую местность в поисках чистой окружающей среды, натуральных продуктов, простора, тишины – неэкономические мотивы играют не меньшую роль, чем экономические, поэтому тенденция рурализации более выражена в странах с развитой экономикой.

Не только пригородные, но и периферийные сельские территории могут быть привлекательны для горожан, если обладают значительным природным и историческим потенциалом. При этом горожане готовы преодолевать негативные факторы, которые препятствуют развитию сельской периферии – гендерный дисбаланс, пространственную изоляцию, низкие образовательные возможности и узкий рынок труда [7], переселяясь семьями, обладая значительным багажом знаний и опыта, располагая финансовой подушкой и широко используя возможности дистанционной занятости.

Возникает вопрос: кто же те горожане, что покидают обустроенный город и переезжают в сельскую местность, а также какими соображениями они руководствуются, принимая решение о переезде? В январе 2021 года для ответа на этот вопрос было проведено исследование в форме экспертного опроса на основе полуструктурированного онлайн-интервью (набор открытых вопросов). В качестве экспертов выступили горожане, переселившиеся в сельскую местность, а также специалисты в области сельского развития, органического земледелия, сельские предприниматели, работники органов местного самоуправления локального и районного уровня. В задачи исследования входило выявление категорий горожан, заинтересованных в переезде из города в сельскую местность, определение мотивов переезда из города в село и факторов, способствующих и препятствующих адаптации горожан на селе, оценка влияния переселяющихся на сельскую местность. Опрошенные эксперты представляли Архангельскую, Владимирскую, Калужскую, Московскую, Мурманскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Ярославскую области, Алтайский край, Адыгею и Крым.

Итак, как правило, из города уезжают люди с высоким уровнем образования и разнообразными компетенциями, и их отток начался еще до пандемии – она лишь спровоцировала массовое бегство из городов и ускорила распространение дистанционной работы. Молодых специалистов, работающих в сфере информационных технологий, и их семьи привлекает более просторное жилье за меньшие деньги, благоприятная и безопасная окружающая среда, комфортные возможности для дистанционной работы, уютные и стимулирующие творческую атмосферу коворкинги.

Полученные данные перекликаются с результатами исследования в Германии, которое показало, что к жизни в сельской местности стремятся не только люди старшего возраста, но и те, кому меньше сорока лет. Среди последних предпочтительным местом для жизни сельскую местность назвали 30%, маленький город – 39% (в группе старше пятидесяти лет – 34% и 26% соответственно) [8]. При переселении они ищут более высокое качество жизни, которое связывают с близостью к природе, натуральным питанием, возможностями самореализации, лучшими условиями для воспитания детей, т.е. нематериальная мотивация для них не менее важна, чем материальная.

Если сравнить потоки переезжающих из села в город и наоборот, то в город чаще едут одинокие молодые люди, чтобы получить образование и найти работу с более высоким уровнем оплаты. А из города нередко выезжают целыми семьями – переезд семьей облегчает адаптацию на новом месте, снижает значение удаленности от городской среды с ее развлечениями (театры, выставки и рестораны). Молодые люди в процессе социализации ищут социальную среду с более широкими возможностями для контактов с новыми людьми и разнообразными развлечениями. Люди, нашедшие себя, свою профессию, создавшие семью, задумываются о том, в каких условиях будут жить их дети.

Готовность переселенцев адаптироваться к трудностям, решать вопросы обустройства своих жилищ самостоятельно не означает, что недостатки инфраструктурного развития сельских территорий для них не важны. Как раз отставание в развитии транспортной и технической инфраструктуры служит сдерживающим фактором повторного освоения российских сельских территорий горожанами. Малому бизнесу трудно работать в сельской местности, потому что институциональная среда ориентирована на крупный бизнес, который к тому же постоянно получает значительную поддержку государства.

Таким образом, переселяющиеся горожане формируют своего рода новый слой жителей сельской местности, который обладает значительным преобразовательным потенци-

алом. Пандемия подтолкнула к решительным действиям горожан, ранее только задумывавшихся о переселении в пригороды. Но если бы ее не было, исход из городов все равно бы продолжался – во многих странах в последние десятилетия люди стремятся жить вне городов: ищут более благоприятные условия для жизни, ориентируются на нематериальные ценности (хорошая экология, натуральные продукты, отсутствие информационного мусора, наличие пространства и самобытной культуры, близость к природе, чувство свободы и безопасности). Переезду горожан способствует развитие инфраструктуры сельских территорий, особенно транспортной и цифровой, что облегчает удаленную занятость, получение дистанционных услуг и образования. Стимулирует рурализацию снижение качества городской среды вследствие чрезмерного разрастания городов, ухудшения экологии, роста стоимости жизни и эпидемиологической ситуации в городах. Проведенные ранее исследования рурализации выделяли такие группы переселенцев, как убежденные последователи экологических движений, ранние пенсионеры (военные, северяне), люди, потерявшие или не нашедшие работу в городах, работники в сфере информационных технологий, лица творческих профессий. Необходимо расширить это список семьями с детьми и профессиями, которые позволяют работать удаленно. Важно, что к переселению в село склонны молодые семьи – стремящиеся улучшить свои жилищные условия и создать лучшие условия для воспитания своих детей. При этом источником доходов семей может быть и сельское хозяйство, и организация своего дела, особенно с использованием интернет-ресурсов, и дистанционная занятость. Препятствует переселению горожан и организации малого бизнеса инфраструктурная отсталость сельских территорий, незаинтересованность местных муниципалитетов, недостаточная поддержка малого бизнеса и аграрная политика, ориентированная на развитие крупного бизнеса и игнорирующая потребность в несельскохозяйственном развитии сельских территорий.

В зарубежных исследованиях трудовой миграции можно выделить несколько основных подходов к ее изучению. Во-первых, это рассмотрение трудовой миграции, особенно в сельской местности, в контексте проблемы социально-экономического неравенства на локальном/глобальном и сельском/городском уровнях [9]. Опираясь на работы Дж. Стиглица [10], исследователи показывают, что, например, в современных Соединенных Штатах разрыв между бедными и богатыми хозяйствами увеличивается невиданными темпами: доход 0,1% американцев, находящихся на вершине этой пирамиды, в 220 раз превышает средний доход 90% сограждан, составляющих ее основание, и тенденция к дальнейшему увеличению этого разрыва сохраняется. Средний класс сокращается как в абсолютных величинах,

так и с точки зрения той пропорции, которую он должен составлять по отношению к другим социально-экономическим категориям населения.

Второй важный акцент зарубежных исследований трудовой миграции – анализ воздействия процессов возвратной миграции в сельские районы на разные стороны повседневной жизни и социально-экономического развития местных сообществ [11]. Например, основной причиной сокращения сельского населения в американских районах, удаленных от основных экономических и политических центров страны и не имеющих собственных мегаполисов («nonmetropolitan counties»), является высокий уровень оттока их исторически сложившегося населения в поисках лучшей жизни на фоне низкого уровня притока мигрантов с намерением здесь поселиться. Поэтому возвратная миграция, т.е. возвращение некогда покинувших родные места жителей, играет важнейшую роль в демографическом развитии сельских территорий.

Третий ключевой акцент в зарубежных исследованиях трудовой миграции – приток мигрантов из сопредельных стран, в частности, в США – это продолжающаяся иммиграция испаноязычного населения в сельские районы страны: «изменения этнического и расового характера остаются (и в обозримом будущем останутся) в центре практически любого аспекта жизни сельской Америки: агропродовольственные системы, повседневная жизнь сообществ, изменения на рынке труда, экономическое развитие, школьное образование, демографическая структура, межгрупповые отношения, политические процессы» [12, с. 3]. Все это требует скорректировать тот общепринятый взгляд, что сельская Америка формируется главным образом белыми людьми европейского происхождения. Выходцы из стран Западной и Северной Европы (немцы, скандинавы и др.) действительно прибывали в середине XIX века на американский континент и, минуя многолюдные города восточного побережья, отправлялись на Средний Запад для освоения сельскохозяйственных земель. Однако многие шотландцы и ирландцы предпочитали селиться в городках и сельской местности Аппалачей, трудиться на шахтах, в лесной промышленности, на железной дороге – на 423 административных округа в Аппалачах приходится почти 90% белых не испаноязычных граждан [13].

Четвертый акцент в зарубежных исследованиях трудовой миграции на сельских территориях – процессы и факторы их обезлюдения, например, хронология нарастания процессов обезлюдения сельской глубинки США и география развития этих процессов, которые были изучены по данным 746 административных округов страны, составляющих 24%

всех округов США [14]. География исследования определялась исходя из того, какие регионы и местности страны были наиболее подвержены процессам обезлюдения села на протяжении XX столетия. Термин «обезлюдение» («deropulation») исследователи используют в том смысле, что относительное сокращение населения в этих округах (об абсолютном сокращении сельского населения в американской глубинке демографы стали писать только применительно к реалиям последнего десятилетия) было хроническим, и масштаб его исключал возможность возврата к демографическим показателям, которыми характеризовались эти сельские территории на пике своего социально-экономического развития.

Пятый акцент в зарубежных исследованиях трудовой миграции состоит в оценках миграционного притока извне, например, в Соединенных Штатах «существуют три источника миграционного потока из Мексики: старейший поток из сельских сообществ центральных и западных районов Мексики, зарождающийся поток из внутренних городских районов и небольшой, но стабильный поток из Тихуаны – города на северной границе. Опираясь на данные Мексиканского Миграционного проекта, исследователи изучают эти потоки и влияние на вероятность принятия людьми решений о миграции таких факторов, как наличие в семье социального капитала, связанного с миграцией, опыт внутренней миграции, участие в поисках трудоустройства. В миграционном потоке из центральной Мексики на север страны и в США было выделено четыре течения: 1) давно устоявшийся приток низкоквалифицированных сельскохозяйственных рабочих, как правило, без документов, из сельской местности западной Мексики напрямик в США; 2) относительно новый поток мигрантов, в основном без документов, движущийся в направлении границы с Соединенными Штатами из внутренних городских районов и имеющий более высокий социальный капитал; 3) внутренние мигранты, целью которых является Тихуана; 4) мигранты в поисках карьеры, для которых Тихуана является промежуточным этапом, позволяющим регулярно совершать поездки в США, как правило, без документов» [15, с. 937].

Самый старый и мощный поток мексиканских трудовых мигрантов в США сложился еще в начале 1900-х годов, когда вербовщики рабочей силы набирали людей в сельской глубинке на западе Мексики для строительства железных дорог и работы на сельскохозяйственных предприятиях западных штатов США. Американское правительство поддерживало эту иммиграцию и в 1942 году приняло программу «Bracero», которая узаконивала сезонный найм мексиканских приезжих работников на сельскохозяйственные работы. Программа представляла собой ряд законов и дипломатических соглашений между государ-

ствами, которые гарантировали достойные условия жизни для приглашенных сельскохозяйственных рабочих и минимальную заработную плату в размере 30 центов в час, а также защиту от принудительной военной службы. В 1964 году программа была официально прекращена, что, однако, не повлекло за собой таких, казалось бы, логичных последствий, как повышение оплаты труда и рост занятости сельскохозяйственных рабочих американского происхождения. Дело в том, что за это время сложились четкие паттерны миграционного поведения: потребность в дешевой рабочей силе на американских фермах сохранилась, этот миграционный поток лишь усиливался, развиваясь более или менее легально и опираясь на сложившиеся в сельских сообществах Мексики более или менее формальные социальные сети [16]. Более того, экономический кризис 1980-х годов подхлестнул эту миграцию, а принятый в США в 1987 году правительственный акт в области иммиграционного законодательства (Immigration Reform and Control Act –IRCA) создал новые легальные возможности для сельских жителей Мексики в сфере трудовой миграции [17].

Схемы использования ручного труда рабочих-мигрантов при выполнении сельскохозяйственных работ в Италии (как и в других европейских странах) разнообразны, но общим является то, что они дают средства к существованию множеству мигрирующих сезонных работников, как, например, в местностях, где в период сбора урожая фруктов и овощей требуется большое количество рабочих рук. По данным Национального института аграрной экономики Италии (INEA), в 2014 году в сельском хозяйстве страны на постоянной основе использовался труд 320244 рабочих-мигрантов, или 35% всех занятых в отрасли. При этом число рабочих, которые были наняты неформально или сезонно, оценивается в почти 800 тыс., и эти оценки явно занижены: «Общие данные по стране, как и региональные данные INEA, неполные: число иммигрантов, нанимаемых на сельскохозяйственные работы в качестве сезонных работников, в целом значительно выше, чем показывает официальная статистика. На самом деле, учитывая то обстоятельство, что правовой статус трудящихся-иммигрантов часто носит неопределенный характер, а география выполняемой неформально работы достаточно широка, большинство вновь прибывших, временно поселившихся в том или ином муниципалитете не фигурируют ни в данных регистрационных контор, ни в официальной статистике государственных или частных научно-исследовательских институтов» [18, с. 211]. Иными словами, не существует надежных количественных данных, позволяющих судить о масштабе проблемы, но этот пробел может быть в значительной мере восполнен качественными исследованиями.

Канада реализует масштабные проекты по привлечению трудовых мигрантов в аграрный сектор. Исследование жизни испаноязычных трудовых мигрантов в Юго-Западном Онтарии показало суровые условия труда и угнетения испаноязычных трудовых мигрантов из стран Карибского бассейна. «Во-первых, они стремятся быть дисциплинированными и соответствовать всем тем требованиям, которые эти программы по управлению миграцией к ним предъявляют, и ожидают подобного поведения от своих сотоварищей – это “проявления самодисциплины”. Во-вторых, часть мигрантов пытается вести себя вызывающе по отношению к тем дисциплинарным режимам, в которых оказались, – это “проявления неповиновения”. В-третьих, некоторые мигранты предпринимают попытки уйти из-под дисциплинарной власти данного режима управления миграцией, изменив свой правовой статус, – это “проявлениями эскапизма”» [19, с. 141].

2. Региональная специфика сельской занятости трудовых мигрантов

Превалирует мнение, что мигрантов притягивают крупные города, и Россия не является исключением. Однако официальные данные говорят о том, что и сельская миграция неравномерно распределена по регионам страны (таблица 4). Первая десятка регионов-лидеров (от Московской до Самарской области) по приему зарубежных мигрантов в сельские районы за 2019 год приняла более 65 тысяч человек из 146 тысяч прибывших в страну, или 45%. Мигрантов, в первую очередь, притягивают либо регионы, граничащие с мегаполисами (Московская, Ленинградская области), либо сельскохозяйственные регионы юга и центрального Черноземья – прежде всего, Краснодарский край, Ростовская, Белгородская и Воронежская области. Фактор сельскохозяйственной направленности играет роль и в других регионах (Алтайский край, Республика Башкортостан).

Кроме успешного сельского хозяйства играет роль и общее развитие региона. Так, регионы-лидеры юга, а также Самарская область и Ставропольский край привлекают больше мигрантов, чем Саратовская, Тамбовская и Волгоградская области (последняя даже не вошла в таблицу 4). Можно привести в качестве примера и Тюменскую область, которая не отличается развитым сельским хозяйством, но является богатым регионом благодаря углеводородной добыче.

Еще один фактор привлечения мигрантов – региональная (этническая, религиозная, культурная и т.п.) близость со странами, откуда прибывают мигранты. Яркий пример – мигранты из Украины. В 2019 году из почти 618 тысяч мигрантов из стран СНГ (в целом) более 161 тысяч составили мигранты из Украины (больше, чем из любой другой страны СНГ). Из них более 16 тысяч прибыли в Московскую область, более чем по 11 тысяч – в Белгородскую и Ростовскую, более 13 – в Краснодарский край, более 7 – в Крым. Важную роль сыграла как экономико-политическая обстановка в Украине, так и близость регионов (расстояние, родственники, друзья и т.п.). Другой пример – Республика Башкортостан, где значительную долю мигрантов составляют выходцы из Таджикистана и Узбекистана (более половины зарубежных мигрантов в Башкортостане из стран СНГ за 2019 год). В Ставропольский край мигрантов из Армении приехало больше, чем из Украины, в Алтайский край большинство мигрантов приехали из Казахстана.

Таблица 4

Российские регионы-лидеры по привлечению международных мигрантов в сельскую местность

Регионы	Число прибывших (чел.)		
	2017	2018	2019
Российская Федерация	121436	113395	146047
Московская область	6808	8320	12543
Краснодарский край	7597	7940	11238
Ростовская область	3732	3311	7011
Белгородская область	4653	4908	6420
Воронежская область	6541	6514	6181
Ленинградская область	6969	6774	5272
Тульская область	4165	4675	4555
Ставропольский край	3265	2291	4344
Республика Крым	4102	3737	3973
Самарская область	1935	1771	3945
Липецкая область	3525	3634	3748
Курская область	3879	3291	3437
Калужская область	3664	3277	3327
Смоленская область	6751	4884	3311
Алтайский край	1744	2085	3042
Красноярский край	1935	3153	2952
Республика Башкортостан	5205	3868	2675
Челябинская область	1155	1098	2641
Тюменская область	1419	1281	2615
Новосибирская область	2548	2489	2595
Рязанская область	1408	1272	2588
Владимирская область	1027	980	2505
Оренбургская область	769	753	2481
Республика Адыгея	1275	1144	2269
Приморский край	1285	922	2095
Нижегородская область	1706	1253	2091
Калининградская область	1611	1167	2067
Тверская область	1590	1485	2028
Саратовская область	2210	1911	1937
Тамбовская область	3567	2115	1920
Республика Татарстан	1631	1200	1805

В целом потоки сельской миграции определяются четырьмя факторами: первый – близость к мегаполису. Здесь существенную часть миграции можно назвать вынужденно

сельской – рядом с крупными городами располагаются сельскохозяйственные производства (молочные фермы, теплицы и т.п.), но данный тип миграции скорее ориентирован на город, чем на село, поэтому сельская местность остается лишь местом проживания, часто временным. Второй фактор – развитость региона (хорошо оплачиваемые рабочие места, инфраструктура) и природно-климатические условия проживания (пригодность региона для зарабатывания денег и для жизни). Третий фактор – близость региона к родной стране мигранта (родственные связи, географическая близость, общая история, близкая культура, наличие диаспоры и т.п.). Четвертый, самый очевидный фактор – развитое сельскохозяйственное производство, которое требует рабочих рук (неквалифицированную рабочую силу, дешевую и непритязательную, готовую выполнять работу, на которую местное население идет с неохотой).

Ключевым фактором региональной дифференциации занятости трудовых мигрантов в сельском хозяйстве в последние годы становятся изменения климата, заставляющие исследователей рассматривать их как серьезное испытание для сельского хозяйства, которое порождает особые приспособительные практики всех участников производственных процессов. Приведем в качестве примера исследование того, как приспосабливаются к изменившимся климатическим условиям садоводы района Санрайзия на северо-западе австралийского штата Виктория и юго-западе штата Новый Южный Уэльс в Австралии [20]. Изобилие солнечного света предопределило сельскохозяйственную специализацию местности: интенсивное садоводство, включая виноградарство и выращивание апельсинов. Садоводство требует сезонной концентрации трудовых ресурсов, поэтому значительная часть населения района представлена временными и постоянными трудовыми мигрантами, многие из которых были фермерами у себя на родине. Сельскохозяйственным производителям приходится постоянно экспериментировать в поисках адекватных ответов на капризы климата, которые могут иметь характер долгосрочных тенденций, а рабочие-мигранты имеют свою заинтересованность в такого рода экспериментировании, способности к нему и широкие возможности применять результаты экспериментов на практике. «Большой интерес крестьян-мигрантов к тому, чтобы научиться выращивать важные сельскохозяйственные культуры там, откуда они прибыли на сезонные работы, к приобретению соответствующего опыта в разнообразных природных условиях, составляет серьезный и недооцененный пока ресурс адаптации к климатическим изменениям. Когда у мигрантов есть возможность на земле продемонстрировать свои навыки работы в сельском хозяйстве, это подразумевает не

только собственно труд, но и расширение возможностей адаптации к любым изменениям условий сельскохозяйственной деятельности» [20, с. 13].

Число трудовых мигрантов в сельской местности регионов растет и благодаря спонтанному оттоку из больших городов, и параллельно идущему переселению по государственным программам. Одной из них – Программа для сезонных рабочих (SWP), которая финансируется государством и промышленностью и направлена на расширение вариантов использования труда временных мигрантов в аграрном секторе экономики. Программа вносит вклад в обеспечение сезонными трудовыми ресурсами регионов с развитым садоводством, где потребность в сезонных рабочих особенно велика, в частности, предусматривая специальные меры для направления сюда сезонных мигрантов – выходцев из островных тихоокеанских стран.

Другим важным фактором региональной дифференциации занятости трудовых мигрантов в сельском хозяйстве выступает характер сельской миграции – преемственность и изменения ее моделей. Начиная с 1960 года основная тенденция – переток населения между столицами и провинцией – трижды совершенно непредсказуемо менялась. Сначала в конце 1960-х – 1970-е годы наблюдался крутой разворот в демографическом развитии от столиц и крупных городов в пользу сельской местности, что резко контрастировало с долгосрочной тенденцией предшествующего периода, когда люди в основном ехали в города, выбирая для проживания быстро растущие мегаполисы. В конце 1970-х – начале 1980-х годов демографы отметили значительное замедление оттока столичных жителей в провинцию и отчетливо фиксируемый возврат к прежней тенденции пополнения численности жителей крупных городов. Некоторые ученые даже считали, что ситуация конца 1960-х – 1970-х годов была не более чем временным отклонением от нормы демографического развития. Однако на 1990-е годы пришлось уже третье переключение этой тенденции – по сути, возврат к 1970-м годам, когда большинство мигрантов делали выбор в пользу сельской местности. Масштаб явления не столь значителен, как двумя десятилетиями ранее, однако сама тенденция прослеживается совершенно четко: население провинциальной Америки пополняется, в том числе, за счет столичных жителей [21], причем аналогичные процессы наблюдаются во многих развитых странах [22].

Объяснения этого крутого демографического разворота с последующим откатом к прежним миграционным процессам в основном сводятся к тому, что наметилась новая модель внутренней миграции, порождающая децентрализованную систему расселения, в связи с возрастанием роли внеэкономических факторов миграции и с формированием более

разнообразной структуры занятости, в которой значение работы в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности снижается. Изменения в системе расселения ускоряются благодаря инновациям в области транспорта и связи, уменьшающим зависимость от расстояния между местом проживания и местом работы, которая всегда служила одной из причин формирования агломеративных моделей расселения [см., напр.: 98; 99]. Поскольку многие американцы предпочитают жить в местах с небольшой плотностью населения, изменения в структуре занятости, а также развитие транспорта и связи позволяют кому-то продолжать проживать в сельской местности, а кому-то – переезжать сюда, покидая перенаселенные города.

Схожие исследовательские подходы применяются и в изучении трудовой миграции в российское село – ежегодно в Россию приезжает до 15 млн мигрантов из стран СНГ и как минимум 1 млн остается, причем различие города и села по привлекательности для трудовых мигрантов не столь значимо: если для городских поселений коэффициент миграционного прироста составлял 21 человек на 10 тысяч населения, то для сельской местности – 18 человек на 10 тысяч [23]. Более 93% трудовых мигрантов прибывает в Россию из Узбекистана, Армении, Казахстана, Таджикистана, Молдовы и Украины (мужчины составляют более 60%).

Трудовая миграция в российское село, как и в зарубежных странах, интересует исследователей, прежде всего, с точки зрения интенсивности и качества обмена ресурсами, которыми обладают мигранты и коренное население (от обмена трудом, опытом ведения сельскохозяйственных работ до гостевания друг у друга, совместного участия в общественных работах по благоустройству села и т.п.). Безусловно, это не отменяет того факта, что для сельскохозяйственных производителей крайне важна прибыль, что «освобождает» многих из них от ответственности перед локальным сообществом за создание достойно оплачиваемых рабочих мест, а использование дешевого труда мигрантов становится для них крайне выгодным.

Модели социально-экономического взаимодействия сезонных мигрантов с принимающим сообществом зависят от целого ряда факторов: характера и длительности их адаптации (сезонные, временные, укорененные, транзитные мигранты); от того, к какому виду их присутствия «приспособлен» регион; от целей прибытия в регион; от степени свободы в ритме труда и расселения; от знания русского языка; от уровня накопленного потенциала к адаптации. Соответственно, выделяют несколько типов мигрантов: рабочие на бахчевых культурах, или, если обобщить, рабочие, занятые на полях, – замкнутая группа, которая

живет в наспех сколоченных бараках, все их социально-экономическое взаимодействие ограничивается общением с руководителем предприятия, они много и тяжело работают под присмотром старшего в группе, который является единственным связующим звеном между группой и работодателем.

Другая группа – мигранты, которые самостоятельно «входят» в принимающую среду: их социально-экономическое взаимодействие с коренными жителями наиболее обширно и интенсивно, они участвуют в обмене с местным населением в основном ресурсами труда на принципах строгого экономического расчета, которые почти никогда не оформляются надлежащими нормативными документами, что оставляет простор для влияния морального фактора. Данная группа трудовых мигрантов внутренне дифференцирована по уровням адаптации: первый – некоторая устойчивость отношений с принимающим сообществом, но с сохранением собственных культурных паттернов; второй – укоренение в местном сообществе и восприятие экономических действий, характерных для него. Стараясь угодить местному сообществу, мигранты, как правило, не только помогают «бабушкам» по хозяйству, но и участвуют в общих мероприятиях по обустройству сел, праздниках и т.п., а их дети обучаются в местных школах. И, наконец, третья группа – мигранты, ставшие бизнесменами и по эффективности социально-экономического взаимодействия не уступающие фермерам из местных жителей. Однако их взаимодействие ограничивается только экономическим обменом по типу «продавец-покупатель», а остальные взаимоотношения строятся только с муниципальными властями.

Тем не менее, все группы трудовых мигрантов в сельских районах характеризует низкая включенность в социально-экономическую активность, что объясняется низкой активностью местного населения по причине отсутствия ресурсов. Русское сельское население будет продолжать сокращаться, за исключением некоторых районов юга страны, что грозит обезлюдением все большему числу сельских поселений. Возможно, именно мигранты станут тем ресурсом, который сохранит сельские территории, когда вести сельскохозяйственную деятельность станет невозможным из-за отсутствия рабочих.

Несмотря на позитивное развитие ситуации со встраиванием трудовых мигрантов в социально-экономическую жизнь сельской России, при углублении отношений между мигрантами и коренными жителями нередко возникают конфликты, объективно обусловленные асимметрией социальных действий. Мигранты часто воспринимаются как раздражающий фактор, который несет опасность разбалансировки существующей системы социально-экономического благополучия. Пока в сельской местности трудовые мигранты составляют

конкуренцию местным жителям только в области неквалифицированной работы. Местные фермеры и производители не будут брать мигранта вместо ушедшего специалиста (например, механизатора), а постараются «увести» специалиста у соседа. Также трудовые мигранты не конкурируют с молодыми семьями и пенсионерами – их чаще нанимают на работу на подворье. А те мигранты, которые практически «укоренились» в местном сообществе, участвуют во всем наборе взаимодействий, присущих современному сельскому сообществу (традиционные формы соседского и дружеского общения и новые формы, обусловленные рыночными принципами).

3. Количественно-качественная оценка потенциала привлечения трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в сельские районы России на примере регионов-кейсов

Вернемся к кейсу Крыма. После начала перехода к свободной рыночной экономике большинство коллективных хозяйств обанкротились и исчезли, что привело к росту безработицы и неформальной экономики, пауперизации сельских жителей, деградации инфраструктуры. В городах ситуация оставалась более благоприятной: было сохранено большинство промышленных предприятий без существенного сокращения численности работников, параллельно разрасталась теневая экономика (торговля, сфера услуг, туризм). Но закономерного бегства сельских жителей в города не случилось, поскольку в сельской местности было легче выжить, например, перепрофилировавшись из бюджетника в животновода⁴. Также на протяжении 1990-х годов сельская местность подпитывалась за счет репатриации крымских татар, развернутой еще в последние годы существования Советского Союза. Таким образом, в начале XXI века хозяйства населения стали абсолютными лидерами по производству продукции сельского хозяйства.

Современное сельское хозяйство уже не зависит ни от сельской местности, ни от сельского жителя. Изменение сельского уклада, появление возможности получения большего дохода при меньших трудозатратах в городской сфере услуг, создание крупных агропромышленных компаний в конце 2000-х годов привели к постепенному сокращению производства домашней экономики [см., напр.: 24]. Если в растениеводстве сельскохозяйственные предприятия быстро взяли верх, то в животноводстве хозяйства населения пока остаются доминирующим сегментом производства. Это связано, прежде всего, с этническим фактором – животноводство концентрируется в более традиционных личных подсобных хозяйствах крымских татар, а представители других этносов все чаще предпочитают работу в ближайшем поселке городского типа или городе с развитой сферой услуг. Впрочем, и крымскотатарская молодежь все реже соглашается продолжить «дело отца» и предпочитает уехать в более крупные населенные пункты или город.

⁴ В период с 1996 по начало 2000 года в сфере образования и здравоохранения заработная плата выплачивалась в натуральной форме (продукцией государственных предприятий – сахар, крупы, бытовая техника, мебель и др.), а развивая собственное хозяйство можно было получить наличные деньги.

Интеграционные (в Российскую Федерацию) и одновременно дезинтеграционные (из Украины) процессы последних лет стали причиной изменения характера социально-экономического развития. По сути, изменение миграционных потоков привело к затуханию одних локальных центров и перетоку их функций к другим.

Важное значение играет транспортный фактор. Стабильное транспортное сообщение сельских территорий и городов – лишь один из факторов, стимулирующих маятниковую (трудовую/учебную) миграцию. Другими факторами выступают дефицит рабочих мест в сельской местности и их профицит в городах, изменение образа жизни сельских жителей, повлекшее сокращение аграрного производства в домохозяйствах, невозможность реализации своего потенциала сельской молодежью. Безусловно, маятниковая миграция возникла не в 1990-е годы, а еще в советское время, что объясняется тяжелыми условиями труда в коллективных хозяйствах и относительно низким уровнем заработной платы. Колхозная номенклатура пыталась препятствовать оттоку рабочей силы, но «бесплатная» жилая площадь, «доплата» и премирование не могли удержать молодое образованное население в сельской местности.

В 1990-е годы, наоборот, наблюдалось сворачивание маятниковой миграции в условиях социально-экономического кризиса на Украине – безработица захлестнула не только сельскую местность, но и города. Сельские жители, ранее работавшие в колхозах, и маятниковые мигранты, потерявшие работу в результате банкротства государственных предприятий и сокращений, перешли в неформальное сельское хозяйство и торговлю. В первое постсоветское десятилетие резко снизилась миграционная мобильность – перемещения между городами и сельской местностью не исчезли совсем, но сельские жители все реже покидали свои населенные пункты, на что влияли и пауперизация селян, и сокращение пригородного автобусного и железнодорожного сообщения, и низкий уровень автомобилизации, и работа в сельском хозяйстве, требующая ежедневной полной занятости. Кроме того, вследствие роста бедности и безработицы в городах в сельскую местность переезжали городские жители, иногда всей семьей, а иногда отдавая на попечение родителей их внуков.

Отдельной стратой, пополняющей сельское население в 1990-е годы, стали репатрианты, которым предоставлялись земельные участки под индивидуальное строительство, чаще в сельских населенных пунктах, что породило феномен «полян протеста» в пригородной зоне Симферополя [см., напр.: 25]. Все эти обстоятельства способствовали увеличению доли сельского населения на протяжении 1990-х годов (рис. 3) – нарастала рурализация, которая была характерна и для других регионов Украины и России, и хозяйства сельского

населения закрепили за собой статус основного поставщика сельскохозяйственной продукции.

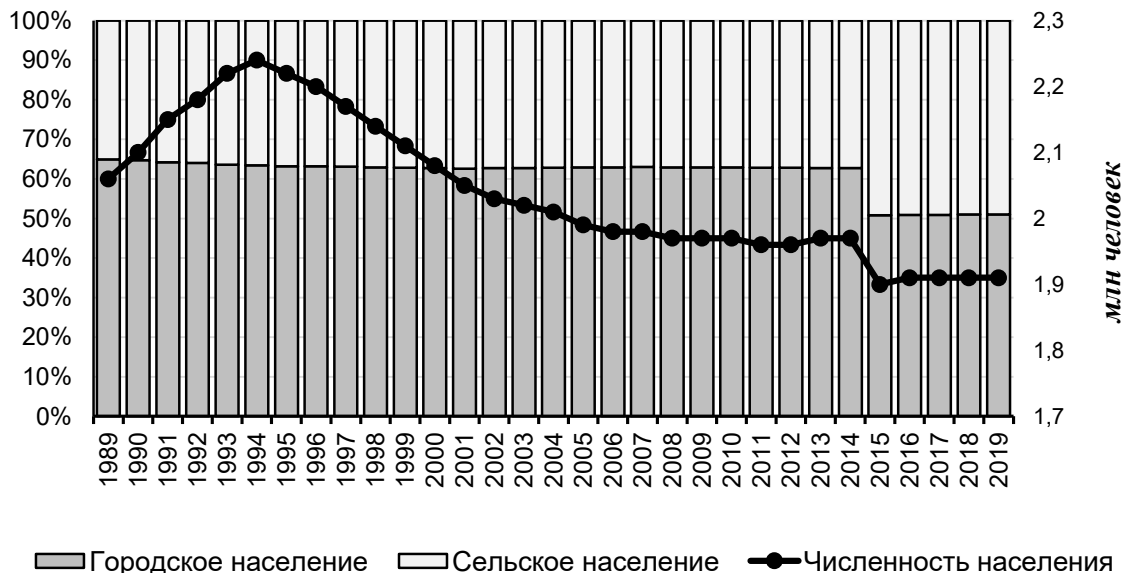

Рис. 3. Численность населения Республики Крым и соотношение сельского и городского населения

Приток мигрантов наблюдается как в перенасыщенные приморские районы, так и в степные поселки городского типа, имеющие необходимую инфраструктуру (учреждения здравоохранения, образования, магазины, продовольственный рынок и пр.).

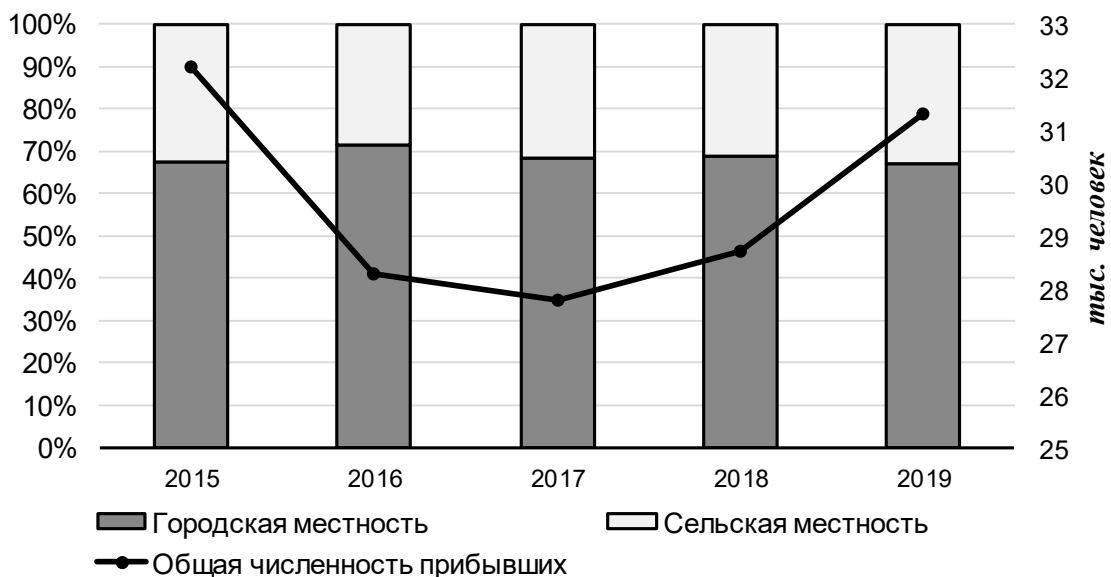

Рис. 4. Численность прибывших разных категорий на полуостров (тыс. чел.)

Социально-экономическая неоднородность территорий Крымского полуострова обусловила миграционные различия: активно развивающиеся населенные пункты перетягивают население из окружающей периферии и полупериферии, но далеко не все города – аттракторы и не все сельские районы – зоны миграционного оттока. По характеру миграционной ситуации можно разделить все муниципалитеты на четыре типа (рис. 5): районы миграционного голода, районы миграционной стабильности, районы миграционного насыщения и миграционные аттракторы (таблица 6).

Таблица 5

Классификация муниципальных образований Республики Крым по миграционному приросту (убыли) населения

Тип	Миграционный прирост в год, чел. на 10 тыс. ⁵	Муниципальные образования	Особенности социально-экономического развития
Районы миграционного голода	–62	Первомайский, Джанкойский, Ленинский, Краснопереконский, Бахчисарайский, Краснопереконск, Армянск, Советский, Нижнегорский	Старые аграрные районы с низкопродуктивным земельным фондом и аграрным перенаселением, старопромышленные города
Районы миграционной стабильности	28,4	Белогорский, Раздольненский, Сакский, Саки, Черноморский	Районы трансформации хозяйственной специализации (с аграрной на аграрно-рекреационную)
Районы миграционного насыщения	60,2	Красногвардейский, Кировский, Джанкой, Феодосия, Судак, Симферополь, Евпатория	Районы транспортного транзита, города с развивающейся сферой услуг
Миграционные аттракторы	140,1	Керчь, Симферопольский, Ялта, Алушта	Приморские районы с развитой сферой услуг и развивающимся строительным сектором, районы миграционного обмена

Сельские аграрные районы, которые выступают основными миграционными донорами для экономически развитых муниципалитетов, относятся к первому типу (миграционный прирост – менее 0). Они расположены в степной зоне с засушливым климатом и страдают дефицитом водных ресурсов не только для хозяйственных, но и для бытовых целей. Их основная хозяйственная специализация – традиционное для черноземной зоны растениеводство и молочное животноводство. Закрытие подачи воды по главной водной артерии

⁵ База данных показателей муниципальных образований Республики Крым // URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst35/DBInet.cgi>; Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и Севастополю (Крымстат) // URL: <https://crimea.gks.ru>.

полуострова – Северо-Крымскому обводнительно-мелиоративному каналу – привело к необходимости пересмотра хозяйственной специализации как целых районов, так и отдельных личных подсобных хозяйств. Последние внесли значительную лепту в миграционную убыль, поскольку огородничество для некоторых домохозяйств было основным источником дохода. Кроме сельской периферии к данному типу относятся депрессивные старопромышленные города (Перекопский промышленный узел [25]) с относительно высоким уровнем безработицы, расположенные на севере Крыма.

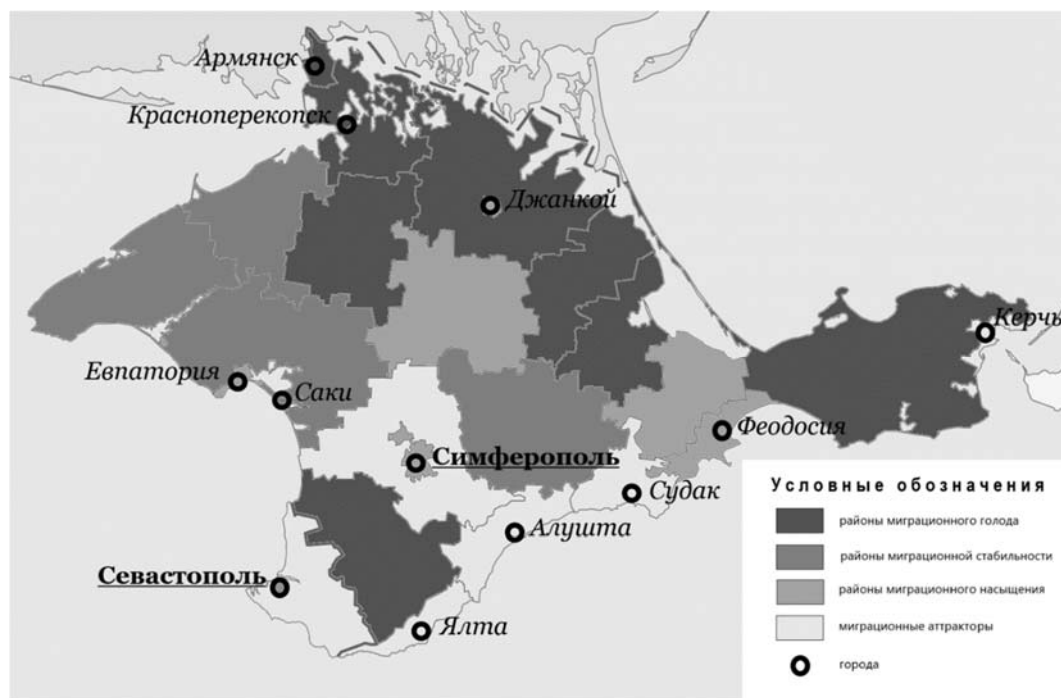

Рис. 5. Карта муниципальных образований Республики Крым по миграционному приросту/убыли населения

Ко второму типу относятся приморские и предгорные районы, в которых наблюдается миграционная стабильность, и миграции незначительно влияют на динамику численности населения (миграционный прирост – от 0 до 50 человек на 10 тысяч жителей в год). Сегодня эти районы переживают этап изменения хозяйственной специализации – к традиционной аграрной добавляется рекреационная, что обусловлено стагнацией аграрного производства и изменением образа жизни сельского населения.

В группу районов миграционного насыщения входят средние по численности населения города с развивающейся сферой услуг, транзитные транспортные узлы и аграрные районы, прилегающие к ним. Миграционными аттракторами являются муниципалитеты южного берега Крыма (привлекательные как для местных жителей, так и для приезжих из

других регионов), районы Симферопольской агломерации, прилегающие к Симферополю, с более низкими ценами на жилье, а также Керчь – как главное связующие звено полуострова с другими регионами России.

Представленная классификация достаточно условна, потому что миграционная ситуация в районах Крыма не столь устойчива и окончательна, как, например, в депрессивных районах Нечерноземья, хотя уже наметился тренд на увеличение разрыва между районами-реципиентами и районами-донорами. Северные районы Крыма, ранее служившие зоной транзита и предоставлявшие сервисные услуги, постепенно превращаются в депрессивные «медвежьи углы» с преимущественно сельскохозяйственной специализацией. Функции транзита перешли к прежде депрессивному и депопулирующему восточному Крыму, что может стать в будущем драйвером его развития. Вследствие нарастания различий социально-экономического развития постепенно формируется периферия, теряющая население, и центры, в которых оно оседает. Главным типом миграционного движения населения являются ежедневные маятниковые миграции: дефицит предложений на рынке труда в сельской местности заставляет население ежедневно приезжать в города для работы и получения образования. А главным фактором маятниковых миграций служит развитие и стабильное функционирование системы общественного транспорта (автобусного, железнодорожного, морского – в Севастополе).

Практически во всех сельских регионах Российской Федерации, где нам приходилось бывать, мы обнаруживали трудовую занятость этнических мигрантов в сложной композиции межэтнических взаимодействий. Даже в глубинке Архангельской области достаточно часто встречались работники-мигранты и не только многочисленные выходцы из Средней Азии. Например, на строительстве одной из молочных ферм Каргополя мы встретили бригаду из четырех работников-мигрантов из Западной Украины, которые уже несколько лет регулярно приезжают сюда на заработки. По словам местного руководителя, такой квалификации и мастерства, как у украинцев-мигрантов, местные работники продемонстрировать не могут. Нам удалось обнаружить факты участия белорусских мигрантов в развитии малых фермерских форм в одном из западных районов Московской области. Район стал выделять гранты на развитие малых форм сельского хозяйства, но получить гранты могут только российские граждане. В результате формальных и неформальных договоренностей гранты действительно оформляются на российских граждан, хотя часто реальными фермерами-работниками хозяйств становятся мигранты-белорусы.

Наши полевые исследования подтверждают, что неформальная аграрная экономика зарубежных работников-мигрантов складывается в российском обществе в соответствии с тенденциями, описанными, например, в книге «Жизнь в двух мирах» [26] по результатам исследования транснациональных и транслокальных аспектов миграции в современном российском обществе, проведенного в 2015-2017 годы. «Популярность транснациональной концепции в миграционных исследованиях рубежа XX–XXI веков привела к тому, что через обращение к идее транснациональности стали рассматривать все варианты международной миграции. Подобная экспансия зачастую выхолащивает эту категорию, делает ее “общим местом”, так что концепция стала терять свой объяснительный смысл» [26, с. 16]. Полевые исследования подтверждают выявленные миграционные тенденции, а частности, возвратной миграции (или трансмиграции) жителей Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в Москву и Санкт-Петербург.

Безусловно, транснационализм и транслокальность на исторической почве бывшего СССР и в условиях современной постсоветской России отличаются спецификой, которую можно трактовать как пережитки социализма с его дружбой народов или объяснять как-то иначе. Например, познакомившись с молодой супружеской парой из Кыргызстана, мигрировавшей в Россию, изучив остающиеся на родине связи своих новых знакомых, их мотивы к миграции и мотивации к труду, один из авторов коллективной монографии пишет, что необходимо идти «наперекор тенденции, характерной для нарративов о трудовой миграции в России, – восприятию мигрантов как уклоняющихся от закона сомнительных субъектов (“нелегалов” на бюрократическом сленге) либо же как жертв эксплуатации и жестокого обращения», стремясь сфокусироваться «на социальной агентности и этической логике трудовых мигрантов» [26, с. 30]. Это знакомство, описываемое в подзаголовках «Погоня за “честно заработанными деньгами” в эпоху неравенства», «“Свои чужие”» (о том, насколько ближе работодателям в России жители «стран СНГ», нежели гастарбайтеры из дальнего зарубежья), «Ценность труда», «Деньги и нечто иное» заставляют исследователей принципиально не соглашаться с трактовкой интенсивной трудовой миграции, особенно в сельские районы, как по сути противоположной советской социалистической этике или сводящей на нет (моральную) ценность труда [см., напр.: 27].

Во время наших полевых исследований по сельским районам Северо-Западного региона мы встречали представителей практически всех бывших союзных республик, причем миграция 1990-х годов – не первая волна в оттоке населения с этих территорий. Несмотря

на то, в каком поколении наши информанты живут в сельских районах северного Нечерноземья, свою национальную идентичность они артикулируют очень четко, особенно характеризуя роль миграционно-поколенческой траектории в своей сельско-предпринимательской карьере [см., напр.: 28]. В последние годы в трудовой миграции из стран СНГ в сельские районы России обнаруживается две тенденции: с одной стороны, усиливаются темпы внутренней миграции – все больше людей снимаются с мест в депрессивных, сельских, периферийных районах и уезжают в города за заработком и лучшей жизнью; с другой стороны, места снявшихся с мест мигрантов ранних волн занимают выходцы из Южного Кавказа (их исход также обусловлен социально-экономическими факторами, но не менее важны и тлеющие очаги межэтнических территориальных конфликтов) [см., напр.: 29].

Главная проблема сельских районов – недостаток и качество рабочей силы: *«После работы – как хотите, идите к себе домой, пейте сколько хотите, лишь бы утром трезвые пришли. Но бесполезно – с утра приходят, а глаза уже косые»*. Пожилые местные жители либо не могут работать в силу возраста, либо не хотят из принципиальных соображений: *«Сами ничего не делают, и другим не дают полезным делом заниматься... Ферму, когда я уже договорился, что я ее покупаю, местные разобрали – вырвали все рельсы с фермы, все металлоконструкции – трактор загнали гусеничный и вырвали все. Я все восстановил. Хотя, как я понимаю, они должны рады быть, что я появился... ведь все заросло и пусто»*. Нехватка рабочих рук – постоянная проблема: *«Всего трое человек у меня, и один завтра должен уехать, – останутся двое. Я уже по-всякому к деревенским подходил – и уговаривал, и подходами подходил, лишь бы люди пришли работать... Уезжают в город, в другие места – те, которые нормальные, работающие. А которые остались – их надо заставить, но они пьют»*.

Предприниматели вынуждены либо привозить/нанимать трудовых мигрантов для работы в своих хозяйствах, либо искать местных работников, причем даже не в ближайших деревнях, где *«не найти трезвого человека»*. Оба варианта решения кадрового вопроса обходятся им в копеечку: *«Работала у меня одна женщина – я ее отвозил кодировать, воспитывал, но и кодированная начала пить. Потом взял еще одного на работу – кодировал, воспитывал, уговаривал... А он на моей машине пьяный ездил... Я не хочу больше пьяных людей на работе... Вот приходится брать узбеков на работу. Паспорт одного до сих пор у меня – убежал: украл с фермы и продал 14 баранов, поменял на наркоту, потом ко мне начали с их диаспоры с угрозами звонить... После этого решил с этими людьми дела не иметь... Сейчас у меня работает один русский парень из города. Я стараюсь ему денег не*

давать, а переводить на карточку его матери... В принципе он не пьет несколько месяцев, а в городе бомжевал».

Вторая серьезная проблема даже относительно успешных сельских предпринимателей из числа трудовых мигрантов – сбыт продукции и особенно закупочная цена мяса и молока: *«Подняться – ради бога, могу сделать 200 голов. А толку-то? Как продавать или сдавать – еще на колене посиди, умоляй, звони... На словах-то все хорошо – у меня все совпадало по требованиям, можно было на 45 дойных коров грант получить, около 20 млн... Но не получилось у меня – этого не хватает, того не хватает, работников надо официально оформлять... А сдавать молоко и мясо некуда».*

Помощи со стороны местных сельских администраций предприимчивые трудовые мигранты не видят и крайне разочарованы пустыми обещаниями ее представителей: *«Глава был, обещал мне один раз отдать УАЗик, потому что дорога стала слишком плохая. Обещали сегодня-завтра, сегодня-завтра, и эта тема тоже пропала... К нынешнему главе я один раз с делами подошел и больше не подойду... Поехал туда – обещали, если сегодня воды и света не будет, то завтра помогут. Шесть дней коровы без воды стояли. Я понимаю, авария общая, я никого не обвиняю. Я подошел к главе и говорю: “Хотя бы пожарную машину или чего-нибудь дайте воду привезти, а то зима, снега по колено” ... Он мне обещал, что отправит мне генератор... Шестой день пошел: дверь открываешь – коровы ревут. Я стал злой: дверь открыл, коров в поле отпустил... Одна сдохла, две выжили... Не буду больше ходить, умолять, потому что я не ворую, не краду, ничего не делаю плохого, работаю, а толку нет».*

Третья проблема – решение земельного вопроса: с одной стороны, в постсоветский период многие поля настолько заросли и пришли в упадок, что на них даже *«техника ломается – косы постоянно меняем, ножи и т.д.»*; с другой стороны, сложно решать вопросы оформления земли – *«только часть земли оформлена, приходится выкупать бывшие колхозные пай..., потом за свой счет оформляешь, потом межевание, кадастр – оформление почти целый год идет, очень долго все происходит... И незанятое, то, что зарастает, приходится косить – земли не хватает».*

В такой ситуации даже у успешных сельских предпринимателей из числа трудовых мигрантов разных поколений постоянно меняется настрой – от жизнеутверждающего оптимизма до безнадежного упадничества. В первом случае они утверждают, что *«проблем в сельском хозяйстве куча, но все решаемо... Можно еще параллельно направлением каким-нибудь заняться... Поля есть, правда очень заросшие... Там хоть заново мелиорацию делай,*

окультуривание, но надо очень много денег, хотя где-то что-то власти возмещают, но... эти деньги еще надо выцарапать, чтобы вложить». Во втором случае признаются, что периодически хотят «все бросить и уехать, потому что надоело – тяжело. Сплошные проблемы, и никому мы не нужны... Создают структуры, которые начинают нас с проверками туда-сюда... Я же закрыл ООО только потому, что все эти проверки задолбали. Любая проверка – сразу штраф, минимум сотку надо заплатить».

4. Построение типологии занятости мигрантов в аграрной сфере

В обследованных районах можно выделить несколько типов трудовых мигрантов:

- укоренившиеся старожилы и недавно приехавшие;
- ориентированные на «оседлость» и временные мигранты;
- успешные и неуспешные сельские предприниматели;
- принципиальные сельские предприниматели (не планирующие отказаться от сельской жизни в пользу городской и желающие передать свои хозяйства следующим поколениям) и
- ориентирующиеся по обстоятельствам (готовы работать везде, где получится, т.е. в случае ухудшения ситуации в сельском поселении готовы бросить все и переехать в город).

Объединяет все эти типы (а) очаговость (относительно) успешной сельскохозяйственной деятельности; которую обеспечивает (б) либо сохранившийся в сельском районе социальный капитал, либо официальный/полуофициальный привоз трудовых мигрантов (необязательно из исторического места исхода самого сельского предпринимателя), либо сочетание обеих стратегий кадрового обеспечения; (в) отсутствие специфических проблем национально-этнического характера (чаще наблюдаются разные реакции сельского сообщества на «неместных», «чужаков» [вполне традиционные, см., напр.: 30]; (г) сложное сочетание разных стратегий взаимодействия между трудовыми мигрантами разных поколений и степеней укорененности в местном сообществе (атмосфера взаимопомощи и взаимопонимания между людьми со схожими проблемами, целями и надеждами, но только неформального характера – без формальной кооперации, поскольку одновременно каждый работает и живет как бы «сам по себе»; принципиальный настрой на одиночную борьбу со сложными и разнообразными препятствиями на пути к успешному сельскохозяйственному производству даже в тех случаях, когда объединение в более крупное производство дает доступ к предоставляемой государством финансовой поддержке). Все это заставляет пессимистично оценивать перспективы трудовой миграции в российских сельских районах, по крайней мере в Нечерноземье и на Европейском Севере страны, которые «не имеют сколько-нибудь значимого человеческого потенциала для развития. Вымирание и отток населения определяют постепенное угасание сельской местности на периферии и столь же постепенную концентрацию у крупных городов.

Безусловно, государственные меры по превращению кочевых народов в оседлых граждан были характерны не только для СССР. Очевидны исторические особенности этой политики в таких странах и регионах мира, как Китай, Монголия, Афганистан, Иран, Ближний Восток и Магриб, Африка южнее Сахары, зарубежная Европа, Австралия. Помимо особенностей, проступают и общие черты данного политического курса разных государств. Прежде всего, это необходимость для кочевников встраиваться в основные социально-экономические и политические параметры того или иного государства.

В некотором смысле такую политику продолжает Китай, декларативно поддерживающий этническое многообразие своего населения. Однако применительно к нашей проблематике следует упомянуть Китай как источник зарубежных мигрантов для российского аграрного производства на Дальнем Востоке, которые создают и развивают здесь разные формы аграрной организации. В связи с либерализацией пограничного режима в начале 1990-х годов выходцы из КНР стали активно втягиваться в производство аграрной продукции на Дальнем Востоке, участвуя в этой деятельности как в качестве наемной рабочей силы, так и в качестве хозяев агробизнесов с высокой степенью капитализации и обширными посевными площадями, которым необходима эта рабочая сила, и в качестве мелких и средних фермеров. Особый интерес представляет сравнительный анализ функционирования этих форм организации аграрного производства с развитием сельскохозяйственных предприятий в самом Китае, где до сих пор имеют место институциональные и структурные ограничения, сковывающие полномасштабное развитие аграрного капитализма.

По мере того, как в первой половине 1990-х годов происходила заметная либерализация пограничного режима по реке Амур, на территории Дальнего Востока обнаруживается все больше фермерских и тепличных хозяйств, создаваемых гражданами КНР. Китайцы и прежде занимались колхозной и совхозной администрацией в связи с нехваткой рабочей силы в хозяйствах, что было вполне естественно, когда по одну сторону границы наблюдалось большое количество свободной земли при очевидной нехватке рабочей силы для ее сельскохозяйственной обработки, а по другую сторону – прямо противоположная ситуация. Однако в новых обстоятельствах китайцы стали охотно арендовать землю для организации собственного производства овощей, для сбыта которых рынок Дальнего Востока предоставлял хорошие возможности. Информация о рентабельности такого рода экономической деятельности распространялась устно, что становилось фактором создания цепочек сельскохозяйственной миграции, о которых со временем заговорили в китайских средствах массовой информации. Китайские крестьяне и другие мигранты направлялись на

территорию Дальнего Востока в поисках возможностей, отсутствовавших на родине. Прежде всего это касалось провинции Хэйлунцзян, не менее 10% жителей которой, по утверждению ряда исследователей, постоянно участвуют в сельскохозяйственной деятельности на российской территории. По китайским меркам арендная плата за землю здесь относительно невысока, что дает возможность арендаторам достаточно быстро наращивать капиталовложения в обработку арендованной земли, приобретая все больше техники и нанимая все больше рабочих рук, т.е. поддерживая оптимальные режимы обработки даже в ситуации расширения посевов и площадей под тепличными культурами. Работают у этих арендаторов в основном их родственники и односельчане. В результате многие сельские жители северо-восточного Китая становятся главным образом кочующими работниками (маятниковая трудовая миграция). Китайская печать иногда пишет о таких арендаторах как о «крестьянах, превратившихся в фермеров», а прибыль, за которую они отчитываются, даже позволяет говорить о «крестьянах-миллионерах».

Начиная с 2000-х годов коллективные хозяйства КНР и даже хозяйства с государственной формой собственности также стали втягиваться в такие экономические отношения, что подразумевает иные финансовые возможности при молчаливой, а нередко и открытой, поддержке китайского правительства (равно как и российского). Соответственно, арендуются более значительные площади сельскохозяйственных земель – часто из земельного фонда местных органов государственного управления, учреждаются совместные предприятия с российскими компаниями и агробизнесами. Такие корпорации переносят акцент с выращивания овощей для рынка в открытом грунте и в теплицах на зерновые и технические культуры, мясное и молочное животноводство и промышленную переработку своей продукции. Такие участники производственных циклов фактически участвуют в вертикальной интеграции и могут оказывать заметное влияние на функционирование трансграничных производственных цепочек.

В рамках китайских зарубежных инвестиций в сельское хозяйство большое внимание уделяется факторам продовольственной безопасности Китая, хотя коммерческий интерес не менее важен для китайских инвесторов, нежели императивы стратегии национального развития [см., напр.: 31]. В этом отношении ситуация с китайскими трудовыми мигрантами и аграрными предприятиями на территории Дальнего Востока не уникальна; она интересна в том плане, что в данном случае китайцы выступают не только в роли инвесторов, но также и в качестве производителей – фермеров и наемных работников. В то же время китайская аграрная трансформация сама по себе нуждается в том, чтобы быть вписанной в

региональный и глобальный контексты, когда политические границы государств все в меньшей степени определяют логику движения капитала. При этом не следует недооценивать то важнейшее обстоятельство, что проблематика китайской аграрной трансформации в целом продолжает оставаться в рамках контекста внутренней политики КНР, включающего ресурсные и политические ограничения, которые испытывают китайские предприятия, особенно в области поземельных отношений.

Так, очевидны те социально-экономические изменения, которыми сопровождается переход от мелкого крестьянского хозяйства к современной сельскохозяйственной экономике на территории КНР (отчасти выталкивая трудовых мигрантов в сельское хозяйство российского Дальнего Востока). Аграрный капитализм, который является преобладающим предметом интереса неолиберальной экономической литературы приблизительно под тем же углом зрения, что и капитализм как таковой, – это система производства в коммерческих целях, опирающаяся на развитый рынок труда, земли и капитала, т.е. система крупномасштабного сельского хозяйства, для которой характерны наемный труд и высокая механизация производства.

Разумеется, в масштабах огромной страны наблюдается большое разнообразие видов аграрной капитализации, что объясняется не только неравенством экономического развития регионов, но и различиями в топографии, разницей в обеспеченности естественными ресурсами. Кроме того, существенные различия наблюдаются в моделях экономического развития, которые приняты на вооружение местными властями даже и соседних регионах. Так, в северо-восточном Китае, часть населения которого естественным образом втягивается в аграрное развитие российского Дальнего Востока, сложились наиболее благоприятные предпосылки для соответствующих стратегий интеграции. Относительно небольшая плотность населения и равнинный ландшафт этих районов обусловили то, что на северо-востоке Китая допускается ведение отдельным предприятием сельского хозяйства на более обширных площадях, чем в других регионах. Соответственно, и уровень механизации производства выше, чем в среднем по стране. Скажем, в провинции Хэйлунцзян размер пахотной земли на душу населения втрое превышает среднекитайский уровень. Возделываются здесь в основном соя, кукуруза и рис, что предполагает более высокую степень механизации. Кроме того, для северо-восточного Китая характерно преобладание хозяйств с государственной формой землевладения, на долю которых приходится треть производства зерновых в провинции. Причем для этих государственных хозяйств, в отличие от таковых в любой другой стране в КНР, характерна высокая степень неравенства в землепользовании, поскольку земля в ходе демонтажа колхозов предоставлялась не столько на уравнительной

основе, сколько соразмерно материальному вкладу семьи при вступлении в состав хозяйства. Государственные хозяйства практически не оставляют работникам возможности для ведения подсобного хозяйства: их руководство занимается вопросами выхода работников на рынок со своей продукцией, облегчением для них проблем, связанных с коммерциализацией продукции и ее промышленной переработкой [32 с. 374].

В июле 2002 года был принят Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», разрешающий иностранцам арендовать сельскохозяйственные земли на срок до 49 лет, а также легализующий покупку земли российскими компаниями с мажоритарным акционером. Принятие этого закона стало важнейшим фактором усиления китайской активности в реализации аграрной политики на российском Дальнем Востоке. По многим видам сельскохозяйственной продукции порядка половины российского производства сосредоточилось в личных подсобных хозяйствах, использующих в основном труд членов семьи, и при этом такие хозяйства испытывают сильную зависимость от крупных предприятий в плане доступа к производственным ресурсам и услугам.

Регионы России весьма разнообразны по показателям доступности сельскохозяйственных земель и обеспеченности естественными ресурсами. Россия имеет один из самых высоких показателей в мире по количеству пахотной земли на душу населения, однако в большинстве регионов ситуация многоземелья усугублялась тем, что в постсоветскую эпоху наблюдалось оставление земли сельскими тружениками, сопровождавшееся в 1990-е годы падением экономики и интереса правительства к развитию сельского хозяйства [33, с. 529]. На российском Дальнем Востоке результаты всех этих процессов носили наиболее выраженный характер: посевные площади в 1995-2007 годы сократились почти вдвое [34, с. 130]. Дальневосточное сельское хозяйство оказалось в значительно большей зависимости от субсидирования и других форм поддержки со стороны центральной власти, чем аграрная экономика европейской части России, в силу причин демографического характера, особенностей развития транспорта и инфраструктуры. Составляя треть территории Российской Федерации, Дальний Восток в 2009 году был местом проживания лишь 4,8% населения страны, и его численность сократилась между 1991 и 2008 годам на 19,8% как в результате отъезда людей в другие регионы, так и по естественным причинам. Демографический кризис обострил нехватку рабочей силы, став одной из причин глубокого кризиса в экономике в целом, включая сельское хозяйство. Вдобавок порядка 40% сельскохозяйственных земель, которые были приватизированы в 1990-е годы, оказались в собственности пенсионеров. Ожидалось, что как минимум три четверти этой земли к 2010 году будут переданы по

наследству, однако многие наследники просто не заявили свои права на наследуемые земельные пай или участки.

Для китайских трудовых мигрантов наибольший интерес представляют те области российского Дальнего Востока, что расположены на юге региона вдоль российско-китайской границы: прежде всего Амурская область (где сосредоточено до 60% сельскохозяйственных земель), а также Хабаровский край, Еврейская автономная область, Приморский край и Забайкальский край. На фоне значительного сокращения посевных площадей в этих областях (с 1995 по 2005 годы сокращение составило 45%) наблюдалось заметное увеличение площадей под посевами в трех приграничных провинциях северо-восточного Китая (за тот же период приблизительно на 23%) [34, с. 130].

Таблица 6

Миграция Китай – ДВФО – Китай за 2018-2020 годы⁶

Миграция из Китая на территорию ДВФО (чел.)						
Годы	Еврейская автономная область			Забайкальский край		
	Прибыло	Убыло	Сальдо	Прибыло	Убыло	Сальдо
2018	3	1	2	12	13	-1
2019	74	41	33	71	19	52
2020	50	51	-1	31	13	18
	Магаданская область			Республика Бурятия		
	Прибыло	Убыло	Сальдо	Прибыло	Убыло	Сальдо
2018	0	0	0	56	41	15
2019	0	1	-1	896	111	781
2020	3	0	3	268	765	-497
	Хабаровский край			Камчатский край		
	Прибыло	Убыло	Сальдо	Прибыло	Убыло	Сальдо
2018	2765	3017	-252	36	12	24
2019	2533	2812	-279	35	21	14
2020	1062	2285	-1223	15	28	-13
	Республика Саха (Якутия)			Приморский край		
	Прибыло	Убыло	Сальдо	Прибыло	Убыло	Сальдо
2018	71	10	61	955	560	395
2019	79	40	39	3243	1454	1789
2020	384	87	312	489	1396	-907

⁶ См.: URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004>.

	Амурская область			Всего по ДВФО		
	Прибыло	Убыло	Сальдо	Годы	Сальдо	
2018	279	598	-319	2018	-75	
2019	960	750	210	2019	2638	
2020	164	443	-279	2020	-2587	

Приток мигрантов из Китая неравномерен по субъектам ДВФО, в основном они прибывают в Республику Бурятия, Хабаровский край, Приморский край и Амурскую область, которые непосредственно граничат с КНР, что явно является существенным миграционным фактором. Однако китайцы на российском Дальнем Востоке – это в основном маятниковая экономическая миграция. Они находятся в России от 10 до 11 месяцев в год, а на отдых возвращаются в КНР. Наиболее явно это видно на примере Хабаровского края, где наблюдается наибольший маятниковый эффект. Количество прибывших и убывших в Россию китайских мигрантов примерно сопоставимо, и только 2020 год внес коррективы, значительно сократив количество мигрантов.

Также интересны тенденции неравномерного распределения мигрантов по четырем основным субъектам их притяжения. В то время как 2019 год стал бумом миграции в Амурскую область, Приморский край и Республику Бурятию, в Хабаровском крае, напротив, было зафиксировано небольшое снижение миграционного притока. В связи с пандемией коронавируса в 2020 году был зафиксирован сильнейший отток мигрантов. 2018 год продемонстрировал минимальное миграционное сальдо, характерное для маятниковой миграции. Возможно, мы наблюдаем изменение модели миграции – с маятниковой на более продолжительную, которая предполагает более долгое нахождение китайских мигрантов на территории Российской Федерации в связи с запретами перемещений, обусловленными эпидемиологической ситуацией.

Динамика миграции по ДВФО показывает, что в целом из сельской местности ежегодно происходит отток населения в другие регионы Российской Федерации, а международная миграция имеет маятниковый характер, т.е. обеспечивает сельскую местность работниками, но не жителями, т.е. международная миграция обеспечивает ДВФО достаточно большим количеством сельскохозяйственных работников из СНГ или КНР, которые не заинтересованы в развитии сельских территорий, поскольку пребывают на них временно.

Статистическими данными о соотношении убывших и прибывших на территорию ДВФО позволяют говорить о следующих тенденциях в миграционной модели региона. Во-

первых, наблюдается значительный отток населения ДВФО в другие регионы Российской Федерации. Во-вторых, внутрирегиональная миграция также формирует демографическую картину ДВФО, поскольку составляет большую долю в миграционных потоках региона, и, учитывая характер миграционных процессов на сельских территориях, можно отметить укрупнение крупных поселений и уменьшение мелких – увеличение миграционного оттока из сел в город: села и деревни теряют жителей, а международные мигранты не восполняют эти потери, что свидетельствует об использовании сельскохозяйственных земель ДВФО исключительно в рабочих целях (мигранты приезжают на заработки). В-третьих, международная миграция составляет наименьшую долю в региональной миграции, за исключением субъектов ДВФО, способных предложить мигрантам работу, и это Хабаровский край, Приморский край и Амурская область. Следует отметить, что регионы с наименьшими миграционными потоками могут искажать общую статистическую картину из-за увеличения веса переменных ввиду их низкого количества, поэтому нужно исключить эти регионы из общего описания.

Таблица 7

Распределение мигрантов по гражданству и субъектам ДВФО за 2020 год

Регионы	Число прибывших	в том числе:				
		Граждане России	Иностран-ные граж-дане	из них		Лица без граждан-ства
				граж-дане стран СНГ	других зарубеж-ных стран	
ДВФО	42500	5892	36593	32337	4256	15
Республика Бурятия	2074	245	1825	1406	419	4
Республика Саха (Яку-тия)	14177	2491	11678	11216	462	8
Забайкальский край	497	0	497	459	38	0
Камчатский край	3532	82	3450	3419	31	0
Приморский край	7235	346	6886	5794	1092	3
Хабаровский край	5986	1318	4668	3309	1359	0
Амурская область	1892	412	1480	1242	238	0
Магаданская область	1356	306	1050	1038	12	0
Сахалинская область	5022	502	4520	3981	539	0
ЕАО	99	12	87	37	50	0
ЧАО	630	178	452	436	16	0

За 2020-2021 годы наметилась отрицательная динамика миграционного учета: в связи с пандемийными ограничениями количество мигрантов за последние два года сократилось почти в два раза и продолжает снижаться. Изменились и «качественные» параметры миграции: и в 2019 году доли туризма и работы были, конечно, не одинаковы, но тем не менее сопоставимы по привлечению мигрантов и влиянию на общее количество мигрантов в Российской Федерации. В 2020 году все показатели миграционного притока значительно снизились, и только рабочие визы смогли относительно удержать свои количественные позиции (на фоне остальных целей въезда), а 2021 год продемонстрировал серьезный прирост рабочих мигрантов, частные визиты вернулись лишь на уровень половинного допандемийного показателя, а учебная миграция – почти на две трети. Тем не менее, появилась новая графа учета – «гуманитарная», которая сопоставима с рабочей миграцией в Российскую Федерацию.

Несмотря на то, что многие средства массовой информации в последние годы пугают неискушенного российского читателя масштабами прироста китайской рабочей силы и в целом миграций из Китая на территорию ДВФО, статистические показатели миграционного учета показывают, что миграция из стран дальнего зарубежья (не СНГ), в группу которых входит и Китай, оказалась значительно меньше уже ставшей привычной для россиян миграции из стран СНГ.

За три допандемийных года (2017–2019) количество зарубежной рабочей силы на территории ДВФО сохранялось примерно на одном уровне. Пандемия коронавируса внесла свои коррективы и довольно резко сократила как количество мигрантов, так и количество разрешений на работу. Даже рассматривая китайскую рабочую силу отдельно, мы видим вполне сопоставимую картину: 2021 год показывает положительную динамику, но, тем не менее, пока количество разрешений на работу не достигло допандемийного уровня.

Китайцы капитализировали свою хозяйственную деятельность столь прочно и надежно, что эксперты пишут о захвате ими от 75% до 90% рынка овощей на Дальнем Востоке [см., напр.: 35]. В 2000-е годы деловая активность китайцев в сельском хозяйстве Дальнего Востока принимала такие организационные формы, как частные фирмы по экспорту рабочей силы, самостоятельно организованные и самофинансируемые бизнесы, индивидуальные предприниматели. Инвестиции в развитие этих экономических предприятий стали все активнее поступать от китайских государственных аграрных предприятий и других государственных структур, что совпало по времени с изменениями в российском зако-

нодательстве, связанными с разрешением аренды сельскохозяйственных земель иностранцами. В немалой степени активизации способствовало и принятие на государственном уровне в конце 1990-х годов «стратегии “выхода”» Китая – завоевания экспортных рынков, достижения высокой конкурентоспособности китайской продукции.

В течение последних полутора десятилетий китайцы стали переходить от экстенсивного ведения сельского хозяйства к интенсивному, что обусловило создание «экономичных» производственных коллективов, в которые иногда из соображений экономии средств нанимаются и российские граждане. Из тех же соображений сроки земельной аренды стали увеличиваться, и на смену годичным и пятилетним контрактам стали приходить договоры на 20 или даже по максимуму – 49 – лет. Если небольшие земельные участки на небольшие сроки можно было законтрактовать напрямую с бывшим колхозом или местной администрацией, то долгосрочные контракты на пользование значительными сельскохозяйственными площадями чаще всего предполагают создание совместного предприятия с российскими компаниями (т.е. опосредованное вступление в отношения земельной собственности) или санкции высоких органов власти. В отличие от фермеров-китайцев, производящих по преимуществу тепличную продукцию, такие большие предприятия выращивают в основном сою и зерновые, но также втягиваются и в животноводческие проекты и в переработку сельскохозяйственной продукции. Многие китайские фермеры в России сегодня вступают в отношения субаренды земли с крупными китайскими агробизнесами или совместными российско-китайскими предприятиями.

Обобщая вышесказанное отметим, что основной тенденцией аграрного развития России в последние десятилетия стала нарастающая холдингизация, которая определяет следующие особенности сельского хозяйства: во-первых, это вытеснение малого бизнеса (об этом свидетельствуют резкие изменения в структуре валовой продукции по основным группам сельхозпроизводителей, согласно которым доля хозяйств населения в стоимости валовой продукции сельского хозяйства сократилась на 13%, доля сельскохозяйственных организаций выросла на 8%, что объясняется ростом производительности труда в первых), а именно малый бизнес в основном и привлекал трудовых мигрантов из ближнего зарубежья и других регионов, пусть и на неформальной основе. Крупные агрохолдинги получают приоритетный доступ к кредитам и государственной поддержке, благодаря чему имеют дополнительные конкурентные преимущества, помимо масштабов деятельности, вследствие чего малый бизнес теряет возможности расширения и конкуренции с крупным бизнесом.

Следующий важный фактор – сокращение численности населения на сельских территориях и снижение уровня занятости сельского населения: механизация и автоматизация всего технологического процесса на агропредприятиях, т.е. создание новых высокотехнологичных рабочих мест агрохолдингами высвобождает прежних занятых и вытесняет малый бизнес, вынуждая фермеров и малые агропредприятия ликвидировать хозяйства, передать в аренду свою землю и превращаться в наемных работников либо на агрохолдингах, либо покидая село и переезжая в города. Соответственно, агрохолдинги не нуждаются в трудовых мигрантах, а те, если и могут осесть в сельской местности, то только в качестве индивидуальных или семейных сельских предпринимателей, согласных на значительно более низкий уровень доходов, чем местное население. Тем самым холдингизация сельского хозяйства сокращает доходы сельского населения и способствует росту бедности на сельских территориях.

В сложившихся условиях сельскому хозяйству и сельским территориям нужны трудовые мигранты, но для их привлечения государство должно вводить меры защиты интересов наемного персонала на крупных агропредприятиях, меры стимулирования трудовой миграции на сельские территории и всячески поддерживать развитие семейных ферм, поскольку данная форма организации сельскохозяйственного производства наиболее свойственна трудовым мигрантам из бедных стран ближнего зарубежья (прежде всего, стран СНГ) и способна обеспечить соблюдение прав сельских работников (на таком типе предприятий в основном работают члены семьи и родственники). В состав этих мер могут войти разнообразные инструменты поддержки малого сельскохозяйственного бизнеса, например, ограничение права на государственные субсидии и их размера для крупнейших сельхозпроизводителей; дополнительное финансирование для мелких и средних сельскохозяйственных предприятий, которые официально, в полном соответствии с законодательством, привлекают на сельские территории трудовых мигрантов для работы в агропромышленном комплексе на долгосрочной основе; увеличение объемов государственной поддержки для малого бизнеса, особенно при условии его встраивания в продовольственно-торговые цепочки крупных организаций и кооперативов.

Другим важным направлением государственной поддержки является стимулирование симбиотических форм крупного агропромышленного (как правило, российские владельцы и сотрудники) и малого сельскохозяйственного бизнеса (нередко создаваемого силами разных поколений трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья) на основе

сельской кооперации и контрактов с фермерами, которые способствуют развитию сельского предпринимательства и сельских территорий, снижая демографический отток и повышая качество человеческого и социального капитала российского села. Кроме того, такие симбиотические формы могут снизить и уровень социального напряжения на сельских территориях, где создание крупных мегаферм и агрохолдинговых структур сталкивается с сопротивлением фермеров и местного населения, причем, не только по социально-экономическим и социокультурным причинам, но и вследствие понимания эпидемиологических и экологических рисков холдингизации сельскохозяйственного производства.

Заключение

Сегодня наиболее поразительными оказываются не различия, а общие черты опыта трудовых мигрантов: несмотря на разные национальные, политические, правовые и географические контексты, жизненные траектории трудовых мигрантов в сельской местности разных стран мира удивительно похожи. Столкнувшись с ограниченными перспективами в местах своего проживания, мигранты вынуждены искать работу с более высокой заработной платой. Их основной мотивацией почти всегда является поддержание и улучшение социально-экономического положения своих семей, однако миграция неизбежно ставит под угрозу их благополучие, разлучая супругов, родителей и детей на долгое время.

Многие вопросы в сфере трудовой миграции все еще остаются без ответа. Например, заслуживает внимания развитие органических и альтернативных фермерских хозяйств трудовых мигрантов, которые оказываются успешными, позиционируя себя как этическую альтернативу для потребителей. Это один из возможных путей преодоления главной проблемы трудовой миграции в сельском хозяйстве: благополучие и права работников-мигрантов и их семей приносятся в жертву эффективности системы сельскохозяйственного производства, прибыли владельцев сельскохозяйственных предприятий и продовольственной безопасности горожан. Кроме того, во всех регионах мира государство и работодатели утверждают, что, поскольку глобальные конкуренты могут получить доступ к дешевой и соответствующей требованиям рабочей силе, это оправдывает минимизацию национальных производственных издержек за счет работников сельского хозяйства.

Государственная политика в сфере миграции всегда занимала ведущее место во внешней и внутренней политике Российской Федерации. Изучение видов, масштабов и причин миграции позволяет не только лучше понять ее характерные черты в исторической перспективе, но и наметить курс миграционной политики в современных реалиях [см., напр.: 36]. Важным направлением для России становится и международная трудовая миграция – межгосударственный трудовой обмен, в котором задействованы практически все страны мира. Если не брать во внимание нынешнюю пандемию, то количество международных трудовых мигрантов в мире достигло отметки в 164 миллиона⁷. Ввиду стоящих перед страной социально-экономических вызовов трудовая миграция – одна из важнейших «шестеренок» роста российской экономики, что подтверждает и ведомственная статистика: только

⁷ Для них – границу на замок // URL: <https://rg.ru/2021/01/25/skolkim-inostrancam-zapretili-vezd-v-rossiiu-v-2020-godu.html>.

за 11 месяцев 2020 года иностранные граждане, работающие в России по трудовым патентам, перечислили в бюджеты регионов более 43,5 млрд. рублей⁸.

Повсеместный кризис экономики и мировая пандемия коронавируса повлияли и на пространственную мобильность и трансграничные передвижения населения. Введенные карантинные ограничения снизили масштабы привлечения и использования иностранных работников: в 2020 году, по сравнению с 2019 годом, количество выданных в России разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства сократилось вдвое; прием из-за рубежа квалифицированных специалистов сократился в 2,3 раза; в 1,7 раза снизился приток иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных; выданные патенты на трудовую деятельность иностранным гражданам из стран с безвизовым въездом потеряли 36% [37].

Как и многие зарубежные страны, Россия использует трудовых мигрантов в отраслях агропромышленного комплекса, причем в условиях пандемии возросла роль иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве и продовольственной системе. Например, в начале полевого сезона 2020 года, как никогда, был ощутим дефицит трудовых иностранных кадров как в отдельных отраслях сельского хозяйства, так и в ряде регионов страны. Закрытие границ в марте 2020 года приостановило традиционные потоки тысяч иностранных работников, в основном из стран постсоветского пространства, Средней Азии, а также из Китая, Вьетнама, Кореи и т.д., которые были заняты в сельском хозяйстве таких регионов страны, как Подмосковье, низовье Волги, юг Дальнего Востока и т.д. Поскольку процессы плодородства и овощеводства требуют ручного труда, то ограничение въезда на территорию Российской Федерации иностранных граждан заставило трудоемкие отрасли земледелия выживать в условиях острой нехватки трудовых ресурсов. Например, Союз производителей ягод сообщил о трудностях уборки урожая в связи с ограничениями на привлечение иностранных сборщиков, а местные трудовые ресурсы не могут заменить иностранную рабочую силу, восполнить ее дефицит. Об аналогичных проблемах сообщали и представители Картофельного союза России⁹. Представители Плодоовощного союза России отметили, на

⁸ Статистические сведения по миграционной ситуации // URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

⁹ Полухин А. Фермерам дали по рабочим рукам // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4316499>.

некоторых российских предприятиях иностранные граждане составляли почти 80% занятых, т.е. российское овощеводство напрямую зависит от трудовых мигрантов из-за рубежа¹⁰.

Сельское хозяйство испытывает недостаток и сезонных работников, которые приезжали на полевые работы весной, осенью участвовали в сборе урожая, а на зиму возвращались к себе на родину. Министерство сельского хозяйства России оценивало недостаток сезонных трудовых ресурсов в сельском хозяйстве вследствие ограничения въезда в страну иностранных граждан в 23 тысячи человек¹¹, однако отсутствие «прозрачной» статистики занятости иностранных граждан в российской экономике по отраслям позволяет оценивать эту цифру как заниженную и необъективную, не говоря уже о широком распространении нелегального найма мигрантов.

Труд иностранных мигрантов играет все большую, зачастую определяющую роль в овощеводстве, плодоводстве и в целом ряде других отраслей агропромышленного комплекса, что обуславливает важность и актуальность анализа международной трудовой миграции для развития мирового сельского хозяйства с учетом специфики отдельных стран и районов – чтобы выработать меры регулирования государством международной миграции сельскохозяйственных работников в интересах развития сельского хозяйства и сельских территорий. В частности, необходимо дифференцировать политику координации потоков мигрантов в разных секторах рынка труда: поощрять въезд «нужных» для развития хозяйства трудовых мигрантов, ограничивать доступ на рынок труда тех иностранных работников, в которых нет большой необходимости. Что касается квалифицированных и высококвалифицированных иностранных работников, то облегченные и упрощенные процедуры их интеграции в рынок труда просто необходимы (например, снижение стоимости патента для мигрантов из безвизовых стран, обладающих профессиональным образованием и востребованных на рынке труда; упрощенный порядок предоставления вида на жительство для работников высшей квалификации и/или направляющихся на работу на сельскохозяйственные предприятия депрессивно-периферийных регионов).

¹⁰ Максимова Е., Кулистикова Т. Агросектору не хватает мигрантов // URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov>.

¹¹ Минсельхоз России обеспечит уборочную кампанию необходимыми трудовыми ресурсами // URL: <http://mcx.ru/press-service/news/minselkhoz-rossii-obespechit-uborochnuyu-kampaniyu-neobkhodimymi-trudovymi-resursami>.

Список использованных источников

1. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). М., 2018.
2. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой комиссии. Симферополь, 1897. Т. 26.
3. Военная топографическая карта полуострова Крыма. СПб., 1817.
4. Секиринский С.А. Из истории развития промышленности в Крыму в первой половине XIX века // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. 1961. № 6.
5. Список населенных пунктов Крымской АССР по всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь, 1927.
6. Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. Симферополь, 1986.
7. Nikula J., Kopoteva I. Local development initiatives in the Lake Ladoga Region: Reasons for success and approaches to funding // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
8. Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. Counterurbanization in the Federal Republic of Germany // Professional Geographer. 1986. Vol. 38. No. 2.
9. Golding Sh.A. Migration and inequality in the rural United States: Connecting urban to rural and local to global // Sociology Compass. 2014. Vol. 8. No. 3.
10. Gosnell H., Abrams J. Amenity migration: Diverse conceptualizations of drivers, socioeconomic dimensions, and emerging challenges // GeoJournal. 1976. No. 4.
11. Reichert C. von, Cromartie J.B., Arthun R.O. Impacts of return migration on rural U.S. communities // Rural Sociology. 2014. No. 2.
12. Lichter D.T. Immigration and the new racial diversity in rural America // Rural Sociology. 2012. No. 1.
13. Pollard K.M. A "New Diversity": Race and Ethnicity in the Appalachian Region. Washington, 2004.
14. Johnson K.M., Lichter D.T. Rural depopulation: Growth and decline processes over the past century // Rural Sociology. 2019. No. 1.
15. Fussell E. Sources of Mexico's migration streams: Rural, urban, and border migrants to the United States // Social Forces. 2004. No. 3.

16. Massey D.S., Durand J., Malone N.J. Beyond Smoke and Mirrors: Mexican Immigration in the Era of Economic Integration. Russel Sage, 2002.
17. Winters P., Janvry A. de, Sadoulet E. Family and community networks in Mexico – U.S. migration // Journal of Human Resources. 2001. No. 36.
18. Semprebon M., Marzorati R., Garrapa F.M. Governing agricultural migrant workers as an “emergency”: converging approaches in Northern and Southern Italian rural towns // International Migration. 2017. No. 6.
19. Basok T., Belanger D. Migration management, disciplinary power, and performances of subjectivity: Agricultural migrant workers in Ontario // Canadian Journal of Sociology. 2016. No. 2.
20. Klocker N., Head L., Dun O., Spaven T. Experimenting with agricultural diversity: Migrant knowledge as a resource for climate change adaptation // Journal of Rural Studies. 2018. Vol. 57.
21. Johnson R.M., Beale S.L. “The rural rebound” // Wilson Quarterly. 1998. No. 2.
22. Champion A.G. (Ed.) Counter-urbanization: The Changing Pace and Nature of Population Deconcentration. London, 1989.
23. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
24. Гусаков Т.Ю. Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
25. Тарасова Н.В. Экономические и экологические проблемы развития Красноперекопского промышленного узла. Формирование и развитие территориально-производственных комплексов. Киев, 1984.
26. «Жить в двух мирах»: переосмысливая транснационализм и транслокальность. М., 2020.
27. Pine F. Migration as hope: Space, time, and imagining the future // Current Antropology. 2014. Vol. 55. Supplement 9.
28. Уолдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 5.
29. Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов / Отв. ред. И.А. Соловьев. Ставрополь, 2014.
30. Фадеева О.П. Сельские предприниматели в местном сообществе // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2.

31. Thomas N. Going out: China's food security from Southeast Asia // Pacific Review. 2013. Vol. 26. No. 5.
32. Zhang Q.F. Reforming China's state-owned farms: State farms in agrarian transition. Paper presented at the 4th Asian Rural Sociology Association (ARSA) International Conference. Legazpi, 2010.
33. Ioffe G., Nefedova T., De Beurs K. Land abandonment in Russia // Eurasia Geography and Economics. 2012. Vol. 53. No. 4.
34. Lotspeich R. Economic integration of China and Russia in the post-Soviet era // Bellacqua J.A. (Ed.) The Future of China-Russia Relations. Lexington, 2010.
35. Linter B. Is China the future of Russia's Far East? November 29, 2006 // http://www.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/175005.html.
36. Кислый О.А., Лукашин М.В. Генезис миграции в России // Эпомен. 2021. № 54.
37. Наумов А.С., Потапова А.А. Влияние международной трудовой миграции на современное региональное развитие мирового сельского хозяйства // Региональные исследования. 2017. № 4.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ